

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Илья Муров

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ВЛАДИМИР ХАЧАТУРОВ

Владимир Хачатуров

Частный детектив Илья Муров

«Автор»

2022

Хачатуров В.

Частный детектив Илья Муров / В. Хачатуров — «Автор», 2022

Пенсионер Илья Муравушкин, перечитав множество детективных романов, решил стать частным сыщиком, взяв псевдоним Илья Муров. В первый же день службы находит труп мужчины, замаскированного под бомжа. Копы, конечно, считают, что это просто "подснежник", но Илья Муров знает правду - он напал на след. В погоне за уликами, пенсионер попадает в страшную аварию, и частично теряет память... Подстроена ли была авария? Сможет ли он теперь раскрыть убийство? И какие тайны и загадки ждут его в больнице? Читайте в остросюжетном пародийном детективе: "Частный детектив Илья Муров ".Содержит нецензурную брань.

© Хачатуров В., 2022

© Автор, 2022

Владимир Хачатуров

Частный детектив Илья Муров

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

*повествующая о характере, житейских
привычках и увлечениях нашего героя*

В некоем подмосковном городке, чье название читатель вряд ли запомнит (Мологжа, например, или Колонец), жил да был один из тех ранних пенсионеров, которые именуются у нас отставниками. Звали этого отставника, насколько нам известно, Илья Алексеевич Муравушкин, и все его имущество заключалось в старом рассохшемся домике с мезонином, древнем «Урале» о трех колесах, дышащем на ладан «жигуленке», собранном еще итальянцами, да в корочках пенсионера Министерства Внутренних Дел. Щи да каша, – чаще пшенная, нежели гречневая, – мясо для домашних пельменей да снасти для свежей рыбы, собственноручно выуженной без всяких там браконьерских изысков, вроде сетей, острог и динамита, бензин для машины и мотоцикла, и дрова на зиму поглощали почти всю его пенсию. То же, что оставалось, тратилось неизвестно на что. Вернее, ни на что не тратилось, просто утекало между пальцев, тем более, что течь особенно было нечему. В будни он щеголял в камуфляжного цвета поддевке, латанных калифорнийских штанах и военного образца обуви. В праздники, к каковым можно смело отнести ежемесячные поездки в один из московских сбербанков за пенсией, он облачался в белую накрахмаленную рубашку и двубортный с широкими лацканами костюм, купленный лет пятнадцать назад по случаю тринадцатой зарплаты. Вместе с ним тяготы его отставного существования делила его тетка – худая, прямая и неприветливая старая дева лет шестидесяти восьми, и молодая племянница, доставшаяся ему в наследство от безвременно почившей сестры. Возраст нашего отставника колебался возле полувековой отметки (порой с утра, отдохнувшим, умытым и свежевыбритым, он выглядел не старше сорока пяти; вечерами же, после рыболовной зорьки, ожесточенных баталий с колорадским жуком и нескольких партий в домино с соседями, – тянул на все пятьдесят четыре неутешительных года). Сложением он был крепок, коренаст, широколиц, широкоскул, обладал небольшим начальственным брюшком. Брился ежедневно, раз в неделю парился в собственной баньке, вставать привык в самую рань и был заядлый рыбак.

Досуга у Ильи Алексеевича практически не было: время свое он делил между огородом, рыбалкой и чтением детективов, к которым пристрастился в результате несчастного случая, когда, пытаясь установить телеантенну, сверзился с крыши собственного дома. Сломав два ребра и повредив правую ногу, наш отставник был вынужден почти целый месяц проваляться в постели, и мужествовать с болезнью ему помогали не философские сочинения общепризнанных мудрецов, утешиться коими он пытался с момента своей отставки, а именно детективы. Однако и, восстав с ложа хвори, читать детективы, Илья Алексеевич не отвалился. Даже напротив, мало-помалу этот малоподвижный вид деятельности настолько захватил его, что он стал пренебрегать двумя основными своими обязанностями: рачительного хозяина и удачливого рыболова. И так далеко зашла его страсть к этим детективам, что, дабы обеспечить оную как можно большим количеством сего чтива (а надо сказать, что публичные библиотеки наш отставник недолюбливал за чрезмерную строгость тамошних нравов, а вельми паче за очереди, в которых приходилось томиться ради того, чтобы взять на недельку вожделенный томик Рекса Стаута или Дэшила Хэммета), он продал свой мотоцикл, на котором совершал рыбац-

кие набеги на окрестные водоемы, и таким образом собрал у себя в комнате многие сотни томов, томиков и брошюрок, повествующих в основном о трудовых подвигах частных сыщиков. Больше всего он любил сочинения знаменитого Микки Спиллейна – за блестящий функциональный стиль, фразеологические неожиданности, замысловатые в своей лихости диалоги и прочувствованные описания любовных сцен.

«Глухой стук головы об пол донес до меня весть, что пули попали в цель».

«Я поймал своим 45-м и вдребезги разнес ему череп».

«Он перевел дуло на мой живот.

– Ты влепил мне пулю в кишки. Теперь попробуй сам. Только тронься с места, и я разнесу тебе башку».

«Она вернулась вся влажная, пахнувшая женской прелестью. Никаких лишних движений, каждый жест был продуман заранее, отрепетирован годами упорных тренировок: не такие мы с ней были люди, чтобы заниматься любовью с бухты-барахты. Мы медленно раздели друг друга, каждый делал, что хотел: я пил чай, а она нетерпеливо двигалась подо мной, мечтая об осуществлении своих желаний. Нашла время мечтать, подумал я с мягким укором, – кончать пора. Звякнул звонок и мы распались на составные элементы нашей страсти: на нее, на меня и на Эроса...»

«Прямо на стене я увидел плакат и сразу заподозрил неладное: плакат, да еще не на чем-нибудь, а на стене!... На плакате улыбающийся Торренс, рука у горшка, второй машет в воздухе. И крупно: ПОБЕДИМ С СИМОМ!»

Над подобного рода пассажами бедный отставник ломал себе голову, недосыпал ночей, пытаясь понять: о каком же горшке повествует автор? О ночном? Цветочном? И если он имел в виду голову злодея Торренса, то не является ли сей злополучный горшок тем самым Симом, с которым предполагается одержать победу?

Не лучше обстояло дело и с выносливостью его любимцев. Обычный человек, получив прикладом дробовика по личной черепашке, как минимум, угодил бы на месяц в больницу с тяжелым сотрясением мозга. А частные детективы, в худшем случае, отлежатся денек и опять в строю: расследуют, преследуют и пускают кровавую юшку преступному миру. Причем на их мыслительных способностях эти страшные черепно-мозговые травмы никоим образом не сказываются, они как ни в чем не бывало продолжают строить блистательные версии, тянуть за ниточки, дергать за веревочки, распутывать клубки и разматывать хитросплетения... И тут нашему отставнику на помощь приходили смутные воспоминания из школьной программы по литературе, именовавшейся в те баснословные времена «советской». Вспоминался нашему отставнику некто стойкий, героичный и ужасно аналогичный по части негибкой твердости, упрямству и непрошибаемости. Жизнь его была всем, чем могла обо все, что попадалось, а он, презирая боль, увечья и отдельные недоразумения, продолжал искать истину на светлых путях построения коммунистического рая.

Гвозди бы шлепать из этих людей

Не было б в мире крепче гвоздей!

А ведь этот как раз о частных детективах сказано, – осеняло Илью Алексеевича. Не раз у него самого являлось желание взяться за перо, чтобы поведать миру захватывающую повесть о частном детективе, наказующем зло, утверждающем добро и восстанавливающем справедливость. И он, несомненно, справился бы с этим за милую душу. Он даже придумал пару лихих сюжетов и сходил в комиссионный магазин, чтобы прицениться к орудию труда – поддержанной пишмашинке в состоянии, пригодном для употребления по ее прямому назначению – отбарабаниванию детективов. Однако судьбе оказалось неуютно, чтобы наш славный отставник пополнил несметные ряды детективщиков...

В своих литературных пристрастиях Илья Алексеевич был, разумеется, не одинок. Частенько доводилось ему спорить со своим соседом, тоже ранним пенсионером, отставным

подполковником, служившим, в отличие от нашего героя, не в пожарных частях МВД, а в замполитах Министерства Обороны, – человеком образованным, закончившим, помимо высшего военно-политического училища, еще и несколько марксистско-ленинских университетов. Спорили же они главным образом о том, какой из частных детективов лучший: Филип Марлоу, Майк Хаммер или Лью Арчер. Однако Аркадий Иванович, учитель географии одной из местных школ, проживающий на той же улице, утверждал, что всем троим далеко до Дэйва Феннера и что, если кто и может с ним сравниться, так это Майкл Шейн, близкий друг Бретта Холлидея, который не чета разине Марлоу, вечно попадающему впросак из-за плохого знания людей и законов жанра, а по части детективной удали и общей профессиональной отваги никому не уступит.

Книги, споры и периодические попытки приобрести пишущую машинку довели Илью Алексеевича до того, что для него не осталось в мире ничего более достоверного, чем тот, как утверждал подполковник Елпидов, выдуманный ловкими перьями мир детективов, мир замысловатых преступлений, проницательных сыщиков, туповатых полицейских, коварных красоток, хитроумных преступников, мир драк, погонь, перестрелок и неумолимой дедукции, посрамляющей зло на всех фронтах своих логических выводов. Наш отставник восхищался Шерлоком Холмсом, благоговел перед Ниро Вульфом, сочувствовал Вику Мэллоу и не чаял души в Дэнни Бойде. И хотя за то чтобы собственноручно прищучить какого-нибудь профессора Мариарти он не отдал бы не родных, ни близких, но уж мизинцем на левой ноге, скорей всего, пожертвовал бы...

И вот, когда он окончательно изнемог от собственного бездействия и стыда за него, в голову ему пришла одна из тех странных до гениальности мыслей, какие и до него, и после беспокоили и будут беспокоить людей куда менее совестливых и более благоразумных, чем наш отставник. Илья Алексеевич решил стать частным детективом – не ради, как говорится, славы и наград, и уж тем паче – наживы, но пользы отечества и блага рода человеческого для; решил круто изменить свой образ жизни, дабы внести весомую (а не вдовью – заметьте!) лепту в священную борьбу с преступностью, злом, нечестием и всяческой неправдой. Обобщенно выражаясь и впадая в неуместный лиризм, можно заявить, что именно о таких, как Илья Алексеевич Муравушкин, была сложена в народе старинная баллада следующего примерно содержания:

Он хату покинул, пошел воевать,
Чтоб землю гренадцев гренадцам отдать.

Долго размышлял он над своим именем – уж очень неблагозвучным, маловнушительным и многоглагольным казалось оно ему. То ли дело Шелл Скотт, Сэм Спейд или, на худой конец, Александр Бояров, хотя этот отечественный персонаж занимался частным сыском не добровольно, а по стечению хреновых обстоятельств... Разные звучные, энергичные, зовущие на подвиги имена приходили на ум нашего обеспокоенного отставника, и попадались среди них даже такие, с которыми не стыдно было не то, что в Кремле на приеме или в телеящике на ток-шоу, но и на страницах какого-нибудь великого бестселлера оказаться. Однако ж, в конце концов, он мудро решил остаться при собственном, покойными родителями данным имени. Все ж таки Илья – пророк, а пророки, если отбросить религиозные покровы, по сути своей те же сыщики, умеющие с помощью изощренной дедукции прозревать криминальное будущее человечества в целом. Фамилии в этом смысле повезло меньше: ее обкорнали и усуровили. Был Илья Алексеевич Муравушкин, а стал Илья Муров, почти Джилл Мур – вариант, от которого, скрепя сердце, пришлось отказаться в виду явного несоответствия окружающей среды внутреннему содержанию столь славного имени.

Однако частичным переименованием хлопоты отставника не ограничились. И хотя он догадывался, что всякое промедление с его стороны может пагубно сказаться на хрупком балансе вселенского добра и мирового зла (ибо, сколько людей ждет его высококвалифицированной

помощи, не зная к кому обратиться со своей бедой), он прежде должен был решить два-три неотложных вопроса. Во-первых, как ему экипироваться и чем вооружиться (потому как детектив без оружия – что баян без песни или баня без шайки). Во-вторых, каким образом свою частносыщическую профессиональную деятельность обставить. И тут как нельзя кстати вспомнилось ему, сколько времени угробил один соседский парнишка на то, чтобы справить лицензию простого охранника чужого добра. Где гарантия, что иным крючкотворам от МВД его противопожарное образование не покажется недостаточным, что его не сочтут криминалистически малоподкованным для того, чтобы выдать официальное право расследовать, распутывать, защищать, разоблачать и периодически преследовать ложь, коварство, насилие и другие противоправные действия, поступки и помыслы? Возможно, эти соображения и поколебали бы решимость нашего отставника, если бы в самый нужный момент на выручку не подоспели те же книги, та же детективная литература, в частности, замечательный Чарлз Вильямс со своим неподражаемым Биллом Чэтэмом. Билл Чэтэм – это именно то, что нужно. Такой же отставник, бывший сотрудник органов, пострадавший от чиновничьего произвола, он, не обладая корочками частного детектива, тем не менее, сумел уличить и обуздать зло, не нарушив при этом действующей конституции. Трения со служителями закона, которые естественнейшим образом у него при этом возникли, не смогли ни запугать, ни отвратить его от исполнения своего долга. Так неужели его, Илью Мурова, остановят такие мелочи, как отсутствие бумажного права творить добро, искоренять беззаконие и помогать несчастным? Ни-ко-гда!

Впрочем, благоразумие, лишь изредка покидавшее нашего отставника, подсказало ему ограничить поле своей деятельности родным городком (хотя бы на первых порах). А коли так, то сама собой отпала проблема экипировки. Разумеется, костюм, несомненно, галстук и, безусловно, начищенные до зеркального блеска туфли. Это снаружи. А внутри: блокнот, ручка, фонарик, лупа, рулетка, нитяные перчатки, прозрачные пакетики и газовый пистолет. Жаль, конечно, что пистолет газовый, но ничего не поделаешь – все же он не в разумной и спокойной Америке живет, а в безумной криминогенной России, где право хранить, носить и применять огнестрельное оружие имеют только бандиты и изредка, в порядке исключения, правоохранительные органы...

Таким образом, с блеском разрешив все свои предварительные сомнения и насущные вопросы, наш отставник вдруг нос к носу столкнулся с самой главной проблемой, о существовании которой хотя и догадывался, но делал это как-то косвенно, как-то вчуже, как о чем-то малозначимом, непосредственного касательства к нему не имеющем. Проблема заключалась в том, что частные детективы – как актеры – иногда неделями дожидаются пресловутой востребованности, ибо пока сыщика не наймут по всем правилам контрактной повинности, он должен безвылазно торчать в своем офисе, изнывая от скуки и рефлексии... Ждать, что кто-то вдруг сдуру решит обратиться к нему, Илье Мурову, за частносыскной помощью, было крайне неразумно и даже очень глупо. Чтобы о нем прослышал всяк сущий на Руси потенциальный клиент, необходимо было раскрыть какое-нибудь особенно нашумевшее преступление, или хотя бы дать объявление в местной газете («Прочь сомнения, тревоги, страхи и терзания неизвестности! Надежный и высокопрофессиональный частный детектив Илья Муров оградит вас от любого зла, разыщет любую пропажу, разоблачит любые козни!» Адрес. Телефон. Режим труда.). Но у него, Ильи Мурова, к сожалению, нет офиса. Нет у него и лицензии, без наличия которой, как законопослушно подозревал наш отставник, его объявления не примет к опубликованию ни одна приличная газета, тем более что домашнего телефона у него тоже нет. Любого другого такой вдруг обнаружившийся облом вверх бы в уныние и, возможно, принудил бы отказаться от своих намерений (если не навсегда, то хотя бы на время, необходимое для добывания лицензии в установленном законом порядке, на что, по разноречивым данным, ушло бы от двух месяцев до двух лет). Но нашего отставника такими пустяками было не сломить. Высокий долг и простая порядочность требовали от него немедленных действий. У стражду-

щего человечества нет времени дожидаться пока он утрясет все формальности, справит необходимые бумажки. Это для бюрократов он без бумажки является какашкой, а для попавших в беду он, прежде всего детектив, а потом уже... все остальное. И порешил Илья Муров начать для почину с простого патрулирования улиц родного города. Или, говоря словами одного отечественного детективщика, сделаться сыщиком в свободном поиске. И с этой мысли его уже не могло сбить явно относящееся к делу соображение о том, что ни один из известных ему детективов, не додумался до такого простого способа добывания клиентуры. Главное – начать, выехать со двора, а там видно будет. Ведь с сыщиками всегда творятся дела необыкновенные и происходят случаи непредвиденные. Уж что-нибудь судьба да подкинет. Уж чем-нибудь случай да обрадует. Если не огорчит...

ГЛАВА II

рассказывающая о первом деле частного детектива Ильи Мурова

И вот, в один из майских дней, не сказав никому ни слова, не проговорившись о своих намерениях домочадцам и не обмолвившись о них ни подполковнику, ни учителю географии, наш отставник встал чуть свет, облачился в лучший и единственный свой костюм, повязал самый элегантный из трех имеющихся галстук (бросив при этом несколько придиричьих взглядов на собственное отражение, в котором строгая деловитость одежд слегка не вязалась со счастливым выражением лица, и попутно с неудовольствием отметив в последнем полное отсутствие резко очерченных ястребиных черт в присутствии безупречно утиного носа), мельком подумал о том, что надо бы выучиться покеру, дабы побыстрее освоить ледяную непроницаемость взгляда, после чего тихонько вышел из дому, осторожно отпер гараж и, тщательно проверив багажник, заднее сиденье и электропроводку стартера на предмет детонаторов, взрывчатых веществ и затаившихся представителей, прижатых к стенке преступных сообществ, вывел своего жигуленка из стойла и медленно, а лучше сказать, вдумчиво покатил по сонным, только еще собирающимся продраить задраенные ставнями глаза, улочкам.

Поскольку в такую безбожную рань, как преступные элементы, так и их потенциальные жертвы предавались сну, частный детектив Муров решил поупражняться в профессиональном навыке – умении раздвигаться за рулем, когда одна половина сыщика ведет автомобиль, умудряясь соблюдать при этом все правила дорожного движения, а другая – лучшая – предается сложным дедуктивным размышлениям. Например, таким: «Почему меня били? Чем именно? И по какому праву? Было ли это предупреждением или они просто сгоряча обознались?..» Разумеется, никто Илью Алексеевича еще и пальцем не тронул. Не за что было. Пока... но о чем-то думать-то следовало: тренировка есть тренировка. Не рассуждать же ему самому с самим собой о гипотетическом детективном романе, который когда-нибудь кто-нибудь вдруг вздумает о нем написать, и как этот кто-нибудь этот роман начнет. На его месте лично Илья Алексеевич начал бы свою правдивую повесть так: «Было ясное, солнечное, почти летнее утро, какие выдаются иногда в Калифорнии... то есть в Подмоскowie ранней, в смысле, поздней весной...» Нет, не пойдет. Дальше у Раймонда Чандлера упоминается сезон дождей и виднеющиеся на горизонте снежные шапки гор. Ближайшая гора в соответствующем головном уборе находилась от Ильи Алексеевича на расстоянии полутора тысяч верст, так что увидеть ее папаху можно только мысленно, а мысленно в приличных детективах не считается... Ладно, можно ведь начать и с менее конкретного, к примеру, с широких глубокомысленных обобщений: «Когда вы сидите дома, удобно расположившись в кресле перед камином, случается ли вам задуматься, что происходит снаружи?» Тут нашему отставнику действительно случилось задуматься. Но не о том, что происходит снаружи, поскольку сам он как раз снаружи и пребывал, и там, где он пребывал, ничего особенного, кроме неторопливой утренней поверки переживших ночь, не происходило. Задумался Илья Алексеевич о камине, вернее, о тех, кто обла-

дал этой роскошью. Среди его знакомых таковых не нашлось. Ясно, что блистательный автор великолепного Майка Хаммера обращается к иной аудитории – зажиточной, заокеанской... И, следуя бесхитростной логике смежных ассоциаций, Илья Алексеевич, обратил внимание на еще один изъян окружающей его действительности, а именно – на отсутствие при многоквартирных домах привратников, охранников, телефонисток и лифтеров. Возможно, какого-нибудь заокеанского скрягу-сыщика это обстоятельство и порадовало бы, но нашего отставника, напротив, огорчило. Ведь в случае чего ему, как частному детективу, некого будет разговаривать с помощью пятерки баксов об интересующем его объекте. Правда, имеются вроде бы дворники. Но отнюдь не при каждом здании. Да и какой с них может быть спрос, если большую часть времени они пребывают в отключке?

Илья Алексеевич выехал на малооживленное в столь ранний час московское шоссе, последовал по нему с километр и вновь свернул в городок, согласно избранному маршруту патрулирования. На въезде его тормознул жезлом незнакомый гаишник, – с виду из молодых да ранних.

– Ты что это, отец, крутишься тут без смысла? Бензина, что ли, много?

Столь внезапная и скорая встреча с представителем органов охраны правопорядка, с которыми у них, у частных детективов, свои давние и довольно запутанные счета, нисколько не смутила нашего отставника.

– Да вот, – отвечал он, – район патрулирую, пока вы все спите, бросив город на произвол преступных элементов.

Гаишник так уставился на Илью Мурова, что для последнего моментально прояснился, дотоле казавшийся затемненным неудачным переводом, смысл отвлеченной метафоры: «белки его глаз стали похожи на облупленные крутые яйца».

– Дружинник, что ли? – ухватился гаишник за крайнюю, по его мнению, возможность хоть как-то удержать безумие в границах общепризнанных реалий.

– Частный детектив Илья Муров, – чуть не сорвалось с языка Ильи Алексеевича, но он успел произнести лишь первый слог и запнулся, вовремя вспомнив об отсутствии у него не только пресловутой лицензии, но даже и соответствующей визитной карточки («Илья Муров. Частный детектив. Мологжа-сити. Сентер-билдинг. Комсомол-драйв. 19/5.» Ниже – номер телефона. Выше – бренд: Всевидящее Око в виде сияющей серыги в мочке Всеслышащего Уха.).

– Что – «ча»? – пресытившись паузой, полюбопытствовал гаишник.

В мозгу нашего отставника со скоростью компьютерной распечатки замелькали все известные ему слова, начинающиеся с указанного слога. Чего там только не было, каких только слов не промелькнуло! Но особенно усердствовали «чача» и «ча-ча-ча»...

– Чайник я, – нашелся, наконец, Илья Алексеевич. – Водить по холодку учусь...

– А права у тебя, гражданин Чайник, имеются? – насторожился служивый.

Илья Алексеевич дернулся было предъявить требуемый документ, но опять вовремя опамтовал, сообразив, что чайников с двадцатилетним стажем вождения не бывает. По крайней мере, на свободе...

– Дома забыл, – проявил находчивость наш отставник, втайне радуясь тому, что даже в такой нештатной ситуации не растерялся, в частности, не утратил способности логически мыслить.

– А техпаспорт с документами на машину? – гнул свое представитель дорожных властей.

Всего секунда понадобилась нашему отставнику, чтобы взвесить несколько вариантов возможного развития назревающих событий и выбрать в качестве руководства к действию самый, на его взгляд, оптимальный: быстренько извлечь из бардачка упомянутые документы и вручить их гаишнику, присоединив к ним свое пенсионное удостоверение. Что он и сделал, не теряя времени, достоинства и контроля над ситуацией. Увидев знакомые цвета, формы,

эмблемы, литеры и буковки, гаишник преобразился, одновременно расслабившись, подтянувшись, слегка подобрев и заметно посуровев. В одном глазу профессиональная братская солидарность служителей закона, в другом – не менее профессиональная опаска попасть под каток какой-нибудь очередной кампании..

– Проверяем, значит? Инспектируем, значится?

– Кто? Я? Кого? Вас? – удивление Ильи Алексеевича было так велико, так непосредственно, что гаишник чуть было не купился.

– Мы, – коротко и ясно заключил он. Затем подумал, секундой-другой дольше, чем наш отставник тремя абзацами выше, вычислил оптимум и немедленно приступил к его осуществлению.

– А права все же придется предъявить, товарищ капитан... Порядок такой.

– А-а! – дошло до нашего отставника. – А-аа! – доехало.

– Угу – подтвердил прибытие гаишник, мельком взглянул на права, козырнул и вернулся на пост. Сама воплощенная Бдительность и та бы бдительнее не выглядела. Потому как куда уж дальше-то?

– Действительно, некуда, – согласился Илья Алексеевич и тронулся дальше, решив сузить сектор патрулирования таким образом, чтобы больше на шоссе не светиться. Вот почему спустя пять судьбоносных минут наш отставник оказался на непредусмотренной первоначальным маршрутом улице. С одной стороны домики с мансардами, мезонинами и прочими архитектурными излишествами, с другой – святая простота убогих многоквартирных коробок, каким-то немыслимым образом умудряющихся обходиться без привратников, охранников, консьержек, лифтеров и даже лифтов. Дворников – и тех не было видно, хотя пора бы уже этим бездельникам приступить к своим обязанностям, вон, сколько мусора народ за сутки намусорил, сколько дряни набросал, сколько объедков недокушал. Своре бездомных псов даже с помощью дежурной стаи голубей не справиться...

Ну, про свору Илья Алексеевич загнул, конечно, красного словца ради. Пяток жалких дворняг на свору никак не тянул. Томимые голодным любопытством, псы с хмурой деловитостью инспектировали человеческие отходы, – санитарили как умели, берегли природу, мать нашу. «Кому мать, а кому – ареал обитания», – уточнил бы Арчи Гудвин на месте Ильи Мурова, и скорее всего не заметил бы одной странности в поведении четвероногих. А наш отставник не только заметил, притормозил и пригляделся, но еще и проанализировал эту странную странность. Странность же состояла в том, что собаки периодически вставали во что-то вроде стойки и, глядя мордой на приземистую котельную, начинали тихо скулить, подвывать, словом, проявлять тоскливое беспокойство

Илья Алексеевич заглушил двигатель, вышел из машины и направился, решительно озираясь по сторонам, к молчаливой, холодной котельной.

Некоторые из хроникеров и жизнеописателей деяний нашего героя бездоказательно отрицают тот непреложный факт, что к посещению означенной котельной детектива Мурова привела его знаменитая наблюдательность и дедуктивное мастерство, облыжно утверждая, будто навестил он ее исключительно по нужде, именуемой «малой», и что обвинения дворничихи, коих сыщик позднее удостоился, не были столь уж беспочвенны. Мы же полагаем, что они заблуждаются: именно профессиональные навыки нашего отставника, но никак не низменные позывы плоти, побудили его проверить свои подозрения относительно этой котельной.

Это было обычное типовое сооружение. Вход – с торца, к которому вели, спускаясь, десять выщербленных временем и безразличием ступенек. То, что частный детектив Илья Муров искал, на что надеялся и что отныне должно было стать его основным занятием, находилось сразу по окончании лестницы, на пяточке перед входной дверью, запертой на большой амбарный замок. В полутьме, которая царила здесь, *это* показалось Илье Алексеевичу бесформенной кучей грязного тряпья. Чтобы убедиться в своей ошибке, ему пришлось вос-

пользоваться своим рыбацким фонариком. Фонарик осветил неподвижное тело типичного бомжа, жертвы вредных привычек, не востребовавшей любви и развалившейся в одночасье социально-политической системы. Перво-наперво Мурову надлежало убедиться в том, что это действительно труп, а не впавший в летаргию глубокого отруба хроник, большой почитатель «льдинок», «снежинок» и других сильнодействующих средств гигиены, предназначенных для чистки полированных поверхностей неодушевленных предметов. Для этого следовало пощупать пульс за ухом или приложить зеркало к губам предполагаемого покойника, или, наконец, приподнять веки и заглянуть в глаза. На краткий сумасбродный миг Илья Алексеевич ощутил вдруг нечто вроде отвращения: куда я лезу? во что вляпываюсь? Но чувство долга пересилило отвращение и страх. Он нагнулся, дотронулся тыльной стороной ладони до заушной жилки. Ледяной холод пронзил нашего отставника судорогой омерзения. Ему показалось, что труп пролежал тут всю зиму, но он немедленно дезавуировал это предположение как абсурдное, поскольку отопительный сезон кончился всего дней десять назад.

Предварительный обыск обнаруженного трупа – одна из сословных привилегий сотрудников частного сыска. При этом никто из них не стремится к доскональности, хотя и старается соблюсти определенный педантизм в своих действиях. Первым делом надобно натянуть на руки дешевые нитяные перчатки. Таковых Илья Алексеевич ни в одном магазине родного городка не обнаружил. Поэтому он облачился в хозяйственные резиновые, позаимствованные им у собственной тетки. Вторым делом – хорошенько осмотреться и надежно обезопаситься. Какая жалость, что архитекторами котельной не предусмотрена входная дверь для лестницы, – сейчас бы Илья Алексеевич ее на задвижку и – полный вперед: сто граммов на грудь, сигарета в зубы, – и можно смело лезть шмонать карманы убитого. (В том, что это убийство, наш отставник уже не сомневался, хотя и понимал, что безошибочность своей профессиональной интуиции следует доказывать неопровержимыми фактами.)

Муров развернулся, бесшумно поднялся по лестнице и осторожно выглянул по-над поверхностью: нет ли окрест свидетелей, которые потом, всё перепутав, покажут под присягой на него как на соучастника преступления? Никого, кроме озабоченных пропитанием псов и голубей, визуально не обнаружил. Зато аудиально явственно ощутил присутствие дворника, размеренно машущего метлой-кормилицей, то ли в такт своим тихим мыслям, то ли подлаживаясь под ритм своего недовольства. Илья Алексеевич, дивясь и радуясь самому себе, засек время по наручным часам, чтобы определить скорость и направление движения оператора метлы. Вышло, что времени у него минут семь-восемь. Муров так же бесшумно вернулся к своей находке, потоптался над ней, постучал себя по лбу: дверь-то в котельную не проверил, вдруг замок на ней для блезиру, мать твою, сыщик! Проверил, погладил себя обрезиненной ладонью по голове: умница, заперта...

Улов Ильи Алексеевича оказался до обидного скуден: ни документов, ни визиток, ни денег, ни счетов из прачечной или от телефонной компании. Даже использованных билетов на электричку или автобус – и тех нет. Никаких зацепок, чтобы выйти на след, идентифицировать труп, опросить родных, близких, соседей, сослуживцев, старушек, тусующихся на лавочках при подъездах... Стой и гадай: то ли кто-то тебя опередил с обыском убитого (Убитого ли? Конечно убитого! От старости в таком возрасте... Кстати, сколько ему с виду? Лет сорок пять... Вот именно, от старости в этом возрасте не умирают. (Я же жив.) Только от неизлечимых болезней. А самая неизлечимая из болезней – чей-то злой умысел в отношении твоего существования...), то ли он по жизни был жутко неприхотлив и ужасно скрытен? Но скорее всего убийца очень постарался не оставить Мурову никаких следов. Наверное, не знал душегубец, что любое, даже самым тщательным образом спланированное преступление все равно оставляет следы, улики и зацепки, которые не ускользнут от внимания высококлассного сыщика, и, следовательно, рано или поздно, убийца будет схвачен, разоблачен и предан суду. На краткий миг всепрощенческого затмения Илья Алексеевич даже проникся сочувствием к

неведомому (пока что!) преступнику: небось, замышлял, дурила, коварные планы, радовался, обормот, своей предусмотрительности, изучал маршруты и привычки жертвы, просчитывал свои ходы, но главного, поганец, не предусмотрел, не рассчитал и не учел – что этим делом займется не кто-нибудь, а лично Илья Муров!

Илья Муров вздохнул, хищно улыбнулся и озадаченно воззрился на пачку «Примы», найденную им в кармане потерпевшего. Пачка была наполовину пуста. На картонке, кроме обязательных реквизитов фирмы-изготовителя, никаких записей: ни телефонных номеров, второпях вкривь и вкось нацарапанных, ни адресов, ни женских имен, ни даже пляшущих человечков!.. Впрочем, отсутствие всего перечисленного на этой полупустой пачке производило странное впечатление. Надоумленный внезапной гениальной догадкой, Илья Алексеевич опять полез рыться в карманы лохмотьев. Так и есть – обнаруженных табачных крошек оказалось слишком мало для заядлого курильщика этого сорта сигарет. Следовательно, либо этот бедолага вообще не курил, либо курил сигареты маркой повыше. Вопрос медэксперту на засыпку: можно ли по состоянию легких определить, какие сигареты курил при жизни покойник? Муров занес это соображение в свой рабочий блокнот и вновь заглянул внутрь пачки. Что-то уж слишком они ровненькие – эти сигареты, слишком набитые табаком, «полнозарядные», как сказали бы артиллеристы... Он с сомнением уставился на спичечный коробок. Кто в наше время пользуется спичками, кроме домохозяек на газифицированной кухне? Даже дети и бомжи предпочитают одноразовые зажигалки...

Повинуясь внезапному наитию, Илья Алексеевич приподнял труп, привалил его бочком к стене и, внимательно светя фонариком, исследовал земляной пол. Использованный презерватив, сплюснутая коробка из-под сигарет «Космос», смятая жестянка джин-тоника, шесть пивных пробок, газетный обрывок... Так, стоп! Что это на нем за каракули? Не разобрать... Детектив Муров полез было в карман за лупой, но на полдороги передумал, аккуратно сложил обрывок, упаковал его в целлофановый пакетик, замер, додумал и присовокупил к обрывку парочку сомнительных сигарет из подозрительной пачки. После чего удовлетворенно кивнул и спрятал пакетик во внутренний карман пиджака, поближе к сердцу, полному вещей предчувствий, к примеру, о том, что в этой смерти таятся гнусные бесчинства ужасного вероломства. Сердце у нашего отставника было большим, добрым и щедрым, но питало слабость к высокопарным цитатам – скрытым, полускрытым и совершенно откровенным. Илья Алексеевич по возможности берег его, зря старался не нервировать и не считал за труд отвечать ему в его же стиле. Ничего, потерпи, родное, он обязательно дознается, кто автор этого преступления, и кто бы он ни был, заставит его заплатить по счету людской справедливости!..

Муров перевел дух, унял сердце, напряг память и слегка подрастерялся от обилия выданной ему информации. Чего тут только ни было, кроме того, что было и требовало помимо внимания еще и неукоснительного исполнения. Илья Алексеевич попытался расположить всплывшее из мнемонических глубин по порядку, и вот, что у него в итоге получилось:

Во-первых, у умершего зрачки большие, неподвижные, не реагирующие на свет (Божий или электрический?)...

Муров включил фонарик и направил луч на лицо трупа. На мгновение в том месте, где левое полушарие соединяется с правым, мелькнула то ли надежда, то ли опасение: а вдруг этот труп сейчас моргнет, сядет и обложит хриплым и невнятным со сна матом? Но труп не моргнул, хотя какие у него были зрачки, Илья Алексеевич определить затруднился. Хоть бы диаметр указали, раздраженно подумал он. Три миллиметра – это много или мало? Ладно, проехали... Холодный, неподвижный, горизонтально возлежащий. Матом не кроет, на свет не реагирует. Что это как не труп?..

Во-вторых, неукоснительно следовать правилу Эркюля Пуаро: ничего не оставлять без проверки. Или это – во-первых? А то, что было во-первых, на самом деле во-вторых? Тьфу,

черт! Правильно говаривал Арчи Гудвин: в расследовании всякого убийства примерно девять десятых времени тратится впустую...

Поехали дальше. Что там у нас в-третьих? Ага, оказывается, одежда и прежде всего трусы и майка – показатель уровня жизни и принадлежности к определенному классу...

Илья Алексеевич присел на корточки и, преодолевая заново подкатившую тошноту, принялся докапываться до майки с трусами. Майки не оказалось в помине. Трусы были самые стандартные – синие, длинные, семейные. В таких незастенчиво только перед родной постылой женой показаться. Не трусы, а кинорежиссер какой-то! Впрочем, кажется, в российской армии они еще не сняты с вооружения... Муров опять воспользовался рабочим блокнотом, чтобы занести на его страницы и это соображение, с дельным указанием: поискать без вести пропавших в войсковых частях, расположенных в ближайшей округе.

В-четвертых, по ногтям человека, по его рукам, обуви и сгибу брюк на коленях, по утолщениям на большом и указательном пальцах, по выражению лица и обшлагам рубашки и прочим подобным мелочам нетрудно угадать профессию человека. Муров с сомнением взглянул на труп. Шерлок Холмс явно имел в виду живых людей. Но любой живой человек есть потенциальный труп – основной принцип бытия. Так что нечего кочевряжиться, мистер приват-детектив: назвался груздем, значит, опять на карачки и вперед – изучать утолщения на больших и указательных пальцах. Наш отставник вздохнул и, приняв предписанную криминалистической наукой позу, занялся тем, чем было велено. И, как вскоре выяснилось, – не зря. Пальцы у трупа оказались совсем не бомжовыми, слишком ухоженными. И хотя ногти были длинноваты (кажется, ногти и волосы продолжают расти еще сорок дней после смерти, – подбодрил себя детектив), но траурной каемки под ними не обнаружилось. А это уже что-то! Уже – нечто! Илья Алексеевич еле удержался, чтобы не подпустить какого-нибудь коленца от ликования. Похвальная сдержанность: места для присядки или гопака тут, прямо скажем, маловато. Так, что там у нас дальше по счету: в-пятых? или в-шестых? Впрочем, какая разница! Хоть в-седьмых...

В-седьмых у Ильи Алексеевича оказался следующий постулат: детектив должен уметь точно определять текущее время, не глядя на часы, с допустимой ошибкой плюс-минус три минуты.

Муров закрыл глаза, прислушался к метле дворника, обеспокоился тишиной, но не стал увиливать. Семь часов – двенадцать минут, решил он. Затем продрал очи и сверился со своими наручными-дарственными. Часы показывали ни много ни мало, а тюленька в тюленьку 7-12 московского времени. Но не таков был наш отставник, чтобы долго радоваться своей профессиональной удаче (хотя без этого тоже нельзя – можно разучиться радоваться самому себе). Все, что он в связи с этим хронометрическим достижением себе позволил, это энергично кивнуть и вытянуть руку, сжатую в кулак. Причем, к его чести, от восклицаний типа «йес», «рот фронт» и «но пасаран» смиренно воздержался...

Метла наверху возобновила свои экзерсисы и Муров, успокоенный, вернулся к своим баранам, то есть догматам апокрифической криминалистики. Итак, в-восьмых, почетная обязанность сыщика, пока он не найдет преступника, подозревать всех, кто общался с убитым.

Очень ценное напоминание. Можно начать с дворника. Правда, предварительно неплохо было бы установить и неопровержимо доказать, что этот метельщик был знаком с трупом еще при жизни последнего...

Девятое предписание, которое, судя по его содержанию, должно было быть одним из первых, поскольку касалось отпечатков пальцев, заставило Мурова досадливо поморщиться. Разумеется, теоретически наш отставник прекрасно знал, как это делается. Более того, у него даже имелось в автомобильной аптечке все необходимое для такой процедуры, включая наборы кисточек, разноцветной пудры и клейкой ленты. Если бы не дворник и не милиция, которую рано или поздно придется потревожить, Илья Алексеевич, несомненно, попытался бы приме-

нить на практике свои теоретические познания в искусстве дактилоскопии. Но, увы, это был как раз тот случай, когда частные детективы во избежание конфликта с властями стараются придерживаться буквы закона. А Илья Муров был не из тех сыскарей-авангардистов, которым нравится ломать устоявшиеся традиции, перелицовывать обычаи и пускать по ветру незыблемые законы их высокого ремесла. Что ж, с отпечатками пальцев придется пока повременить. В конце концов, в милиции есть, кому этим заняться, чтобы идентифицировать труп. Ну а результаты идентификации всегда можно узнать в обмен на кое-какую информацию, которой он вскоре обязательно будет располагать. Ниро Вульф, например, всегда так поступает. А что хорошо для Ниро, то и для Джилла, то есть Ильи, подходит...

В-десятых, сплюсненные кончики пальцев характерны для пианиста и машинистки. Если в лице их обладателя есть одухотворенность, не свойственная машинисткам, значит это пианист...

Это что же получается! – внутренне запротестовал Илья Алексеевич. – Это опять на карачки и с мертвяком ручкаться?... Так недолго и какую-нибудь смертельную заразу подцепить. Прецеденты были. Хотя жертвой оказался, сколько помнится, не частный детектив, а приватный патологоанатом. Не то Базаров, не то Расторгуев, если только не Блошинорыночкин... Муров осветил фонариком личность потерпевшего, пытаясь определить, одухотворена ли она чем-либо еще, кроме трупного окоченения. Черты лица были самые обыкновенные, без особых примет. Разве что небритый...

Но тут нашего детектива отвлекло очередное, кажется, одиннадцатое сообщение не на шутку разошедшейся профессиональной памяти. Если зрачки у убитого разной величины, значит, череп у него проломлен...

Эх, подумал Илья Алексеевич, на карачки становиться все же придется. Правда, крови не видно, но кто знает, каким образом сюда попал этот жмурик? Да и разницу между зрачками установить куда легче, чем определить их величину: больше нормы они или меньше, по мне, так в самый раз... Муров присел на корточки, включил фонарик и пытливо заглянул в невидящие глаза покойника. Глаза стеклянно блеснули в луче, но наш детектив успел только отметить эту странность, обдумать со всей присущей ему основательностью ему ее не позволили. Именно в это время сверху раздался сварливый вопль иерихонской трубы:

– Засранцы! Сыкуны! Всю котельную обгадили! Весь город обоссали! В машине своей серил бы, обоссанец долбаный!

Замешательство нашего отставника было не однозначным – двойственным. С одной стороны, он готов был признать досадное упущение, поскольку занятый оперативно-следственной работой, проморгал приближение дворника, оказавшегося, судя по тембру трубы, дворничихой. С другой, явная клевета душила горькой обидой.

– Я не засранец, я – частный детектив! – изрёк он с достоинством.

ГЛАВА III

*в коей описывается первая встреча Ильи Мурова с органами дознания
и о пари, им заключенном*

По зрелом и усердном размышлении, мы пришли к мудрой мысли изложить сцену, разыгравшуюся между нашим славным детективом и скорой на беспочвенные обвинения дворничихой, в предельно сокращенном, обобщенном и, по возможности, конспективном виде. Отметим однако ж, что хотя этот эпизод и изобилует всякими не идущими к делу сыска недоразумениями (ибо сия скандальная особа в апельсиновой жилетке безопасности не отличалась ни смышленостью, ни рассудительностью, но была, что называется, агрессивная бестолочь), Илья Муров все же сумел, если не доказать, то по крайности внушить ей должное представление о своем светлом, неразлучном с общепринятой моралью, облике. Скажем больше: ему

почти удалось убедить эту сварливую бабу, что он вовсе не верблюд, а достойный представитель разновидности гомо сапиенс, причем как раз той ее части, что в неволе не размножается, а на воле не испражняется. Правда, не утаим, что для этого ему пришлось прибегнуть к мерам воздействия скорее физическим, нежели психологическим, иначе никак было не заставить эту валаамову ослицу убедиться в том, что дерьмо, о вонючем наличии которого она столь рьяно и огульно распространялась, имеет все признаки трупного окоченения. Убедившись в своей ошибке, дворничиха повела себя более чем странно – бухнулась Илье Алексеевичу в ноги и, отчаянно крестясь, матерясь и заклиная всеми известными ей святыми, в том числе Христом, Богом и матерью его Богородицей, принялась слезно умолять не губить ее грешную душу, но отпустить негодницу на поруки покаяния.

Первой мыслью нашего отставника было бежать с места происшествия без оглядки, дабы не угодить по ложному доносу в предварительное заключение. Второй – прибить идиотку чем-нибудь тяжеленьким и желательно железным. Например, домкратом. И лишь третье по счету соображение оказалось дельным. Илья Алексеевич быстренько слазил в карман и, предъявив истеричке свои строгие корочки, командирским, не допускающим возражений, голосом распорядился: к трупам никого не подпускать, журналистов держать на расстоянии, любопытствующих гнать поганой метлой. Приказ ясен?

– Охо-хо-хонюшки, – простонала, тяжело поднимаясь с колен дворничиха. – Что ж ты сразу не сказал, что из органов, лихорадка тебя дерит! Чуть до греха не довел...

Постояла, прислушиваясь к организму, и печально дезавуировала прежнее сообщение новым:

– Нет, довел-таки, Ирод...

– До какого греха? – не врубился к своему стыду Илья Алексеевич.

– До маленького...

– Ничего, не замерзнешь, скоро солнышко пригреет, высушит, – жестко отрезал детектив.

И тут же смягчился: – Где ближайший телефон-автомат?

– Телефон у соседа моего есть, а автоматов тут сроду не бывало...

Действительно, совершенно вылетело из головы нашего отставника это еще одно в ряду других несоответствие – отсутствие в родном городке таксофонов, без которых частный сыщик, судя по книгам, как без рук. И что же теперь делать? Как прикажете ему быть? Можно, конечно, поднапрячься, подзанять денюжат, сотовым телефоном разжиться. Да вот беда – ни в одном детективном романе ни один уважаемый детектив с этим неизбежным причиндалом нашей унылой эпохи не таскался, но всегда обходился таксофонами, в которых, судя по тем же книгам, недостатка никогда не испытывал.

– Может, мне сбегать от соседа ментам звякнуть, а? – робко предложила дворничиха и, умоляюще заглядывая в грозные очи начальства, просительно добавила: – Заодно и переоденусь, а?

Муров бросил взгляд на часы и, изо всех сил, сдерживая рвущую губы улыбку (ибо только сейчас просек весь юмор ситуации), строго уведомил:

– Три минуты тебе времени, старая. На всё про всё. Отсчет пошел!..

Старая кинулась со всех ног вслед за отсчетом.

Милиция прибыла с такой оперативной поспешностью, что некоторые инвалиды труда и жертвы несчастных случаев на производстве, из числа живущих на противоположном краю городка, не успели даже толком осмотреть место происшествия. Как того и опасался Илья Муров, органы дознания немедленно сочли потерпевшего классическим «подснежником» и, не затрудняясь доказательствами, принялись составлять протокол.

Илья Алексеевич стоял в сторонке, ни во что не вмешиваясь, терпеливо дожидаясь часа своего выхода, который, по его разумению, должен был наступить сразу после того, как протоколист дойдет в своих писаниях до главы «Свидетели»; и чтобы скрасить ожидание, пре-

давался приличествующим случаю философским размышлениям о бренности человеческого существования, – вообще, но в особенности в нынешние времена, когда уже недостаточно стать трупом для того, чтобы к тебе отнеслись с почтением, уважением, заботой, словом, так, как при жизни и мечтать не осмеливался. Нынче труп человека – просто падаль, подлежащая срочному удалению с глаз долой, в отличие от прочей дохлятины, скажем, раздавленных автомобилями голубей, чей вид взоров не оскорбляет, а следовательно, срочной уборке не подлежит. Одна только налоговая инспекция проявляет человеческие эмоции, всерьез скорбя о каждой довременной кончине законопослушного налогоплательщика...

– Кто обнаружил тело? – задал вопрос протоколист, не поднимая головы от творимого текста, и застыл в ожидании – с ручкой наперевес, с дежурной фразой наизготовку.

– Я! – бодро отозвался наш герой, и смело выступил вперед из общей массы ротозеев.

Четко, ясно и доходчиво сообщил он свои ФИО, адрес, род занятий (не основной, но официальный – пенсионер МВД). Затем, понизив громкость до конфиденциального полупшепота, довел до сведения органов правопорядка, что во избежание ложных слухов среди непосвященного в тайны следствия населения, предпочел бы изложить свои правдивые показания в более официальной обстановке, например, в отделении милиции или в здании прокуратуры. Протоколист поднял свои неожиданно смысленные глаза, внимательно оглядел внушительную фигуру нашего детектива и пожал плечами, как бы соглашаясь, как бы говоря: вольному воля, спасенному рай, мудрецу – темница рассуждений. И вновь углубился в протокол.

– Свидетели?

Настал черед дворничихи отвечать по всей строгости за то, что видела, что слышала, что в сердце сберегла.

Труп тем временем убрали, не очертив контуры мелом, что еще больше укрепило Илью Мурова в его намерении открыть милицейским глаза на истинные причины этой насильственной смерти, а не мнимые, которыми они, судя по всему, увлеклись.

Записав показания гражданки Кулешовой Ольги Геннадьевны (таково оказалось ФИО дворничихи), протоколист-дознаватель прочитал их ей вслух, дал подписать, уложил документ в синюю дерматиновую папочку и, кивнув нашему отставнику, дескать, я о вас не забыл, не надейтесь, молвил группе «поехали».

Первое, оно же последнее, отделение милиции находилось на Центральной улице городка, между почтой и зданием городской администрации. Илью Алексеевича отделение встретило почти безлюдными полутемными коридорами в частых дверях, украшенных белыми табличками, сообщающими должность, звание и фамилии владельцев расположенных за ними кабинетов. Иногда фамилий на одной табличке было несколько, что, очевидно, свидетельствовало о коллективном владении данным помещением. В одну из таких дверей и вошел вслед за оперуполномоченным протоколистом Илья Муров.

Большая, в три окна, комната просторной не казалась, поскольку вся вдоль и поперек была загромождена полуписьменными столами, полукнижными шкафами, совершенно железными сейфами и прочей сугубо функциональной мебелью, создающей особую атмосферу канцелярского уюта. За некоторыми столами сидели серьезные люди – как в штатском, так и в милицейском – и о чем-то тихо беседовали с восседающими напротив них гражданами. Те же из сотрудников, супротив которых никто не сидел, делились своими соображениями с бумагой, что-то быстро или, наоборот, задумчиво на ней изображая.

Илья Алексеевич не стал мяться, кукситься и строить из себя опасливого обывателя, из которого каждое слово приходится тащить клещами соответствующей статьи уголовного кодекса. Нет, он сразу взял инициативу в свои руки и для начала заявил, что-де должен просить прощения за некоторую неточность данной им о себе информации. Вернее, даже не за неточность, а за половинчатость...

– Что вы имеете в виду, гражданин... гражданин... – обеспокоенный дознаватель порылся в синей папочке, нашел искомое, зачитал: – Гражданин Муравушкин Илья Алексеевич, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь, – успокоил его наш герой. – Но в том-то и дело, что не совсем Муравушкин...

– Как это «не совсем»? – опешил оперативник и с еще большим беспокойством во взоре всмотрелся в гражданина не совсем Муравушкина И. А.

– На самом деле я – частный детектив Илья Муров. Во избежание недоразумений, скажу сразу: лицензии у меня нет, но это, как вы, надеюсь, понимаете, ничего не значит. Мне ли вам объяснять, что сыщик – это не профессия, а призвание, высокая миссия...

Тут Илья Алексеевич умолк, оглядел присутствующих, остался доволен их слегка ошарашенными физиономиями и, не встретив возражений со стороны протоколиста, двинул дальше по заранее намеченному маршруту.

– Как вы знаете, убитого обнаружил я. Обнаружил не случайно, а в результате...

– Убитого? – дернулся протоколист.

– Неслучайно? – присоединился к нему кто-то из сослуживцев.

– Не люблю хвастаться, но ваше удивление вынуждает меня заняться этим. Ставлю сто против одного, – Муров извлек из бумажника сторублевую купюру и лихим небрежным жестом уверенного в своей фортуне игрока хлопнул ею по столу. Полупустой графин испуганно звякнул о стеклянный поднос, на котором стоял, – вслед за совершенно пустым стаканом, проделавшим то же самое мгновением раньше. – Ставлю сто против одного, что аутопсия подтвердит безупречную логику моих рассуждений: труп неизвестного является результатом чьего-то злого умысла, а вовсе не жертвой несчастного случая, вроде переохлаждения, как вы поторопились в своем протоколе изобразить...

– Ничего такого я в протоколе не изображал, – возразил дознаватель и для вящей убедительности захлопнул папку и запер ее на кнопку. – Мы знаем о трупе только то, что он мертв. И больше ничего, к сожалению. Пока...

Наш отставник чуть не расцеловал милиционера за такие слова, словно специально позаимствованные им из какого-нибудь крутого боевика, повествующего о подвигах Шелла Скотта или Дэйва Феннера. Однако сдержался и продолжил:

– Тело это может быть трупом безвестного бомжа с такой же вероятностью, как и трупом другого человека, например, из числа лиц, пропавших без вести...

– Послушайте, гражданин Муров... то есть Муравушкин, свои соображения вы изложите как-нибудь в другой раз. Сначала ответьте на следующие вопросы, – потерял терпение дознаватель и, недобро косясь на сторублевку, принялся вновь распатривать свою папку.

Между тем гражданин Муравушкин, не дожидаясь вопросов, вытащил из кармана несколько блокнотных листков, испещренных ровными и ясными письменами.

– Здесь все изложено точно и последовательно. Когда я обнаружил труп, в каком состоянии, что заметил, что предпринял и какой разговор имел со свидетельницей Кулешовой О.Г. Я понимаю, копам не нравится, когда их работу выполняют любители – как они нас, частных детективов, называют...

– Кому-кому не нравится? – попытался кто-то с соседних столов озадачиться, однако получилось это у него неважно, поэтому Муров не отвлекся, не сбился, но закруглил фразу и положил листки своих показаний, скрепленные собственноручной подписью, рядышком с сиротливой сторублевкой. Закругление звучало так:

– Но я вам не мешаю, напротив, прошу вас заняться вашим делом – расследовать обстоятельства смерти этого несчастного «лжеподснежника». Со своей стороны обещаю не только не препятствовать следствию, но всячески помогать ему. Причем бесплатно, на общественных, так сказать, началах...

Дознаватель принужденно откашлялся, взял листки, пробежался по ним глазами, еще раз кашлянул и, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, произнес:

– Эти показания не имеют свидетельской ценности. Я не могу приобщить их к делу. На все есть общепризнанная форма, которую я не имею права нарушать...

– Я понимаю и обиды не держу – покладисто согласился Илья Алексеевич. – Можете вызвать стенографистку, я продиктую свои показания по всей форме, она расшифрует, печатает, я подпишу...

Кто-то из присутствующих, не удержавшись, хихикнул, но понимания не нашел, даже напротив: «у, провокатор!» – сказали ему неодобрительные взоры остальных – «и так сидим, крепимся из последних сил а ты – хихочки»... «Провокатор», якобы смутившись, исчез за дверью, благо сидел неподалеку от нее.

– Стенографистка в декрете, – терпеливо объяснил протоколист. – Так что придется нам с вами, гражданин Муравушкин, по-старинке в вопросы-ответы поиграть. Я спрашиваю, вы неторопливо и обстоятельно отвечаете. Или предпочитаете и дальше ваньку валять?

– Послушайте, товарищ...

– Старший лейтенант Стеблов.

– Тем более – уже старший лейтенант, на руках у вас нераскрытое убийство, а вы предлагаете мне в какие-то игры играть. Послушайте моего совета: если вас, как сыщика, мучат сомнения, то вам остается одно – действовать! Только действием можно развеять сомнения. Отработайте для начала личную жизнь трупа...

– Ой, дядя, – заржал кто-то из присутствующих, – окстись! Какая может быть личная жизнь у трупа?

Муров обернулся на ржание, заметил новое лицо, очевидно, только что вошедшее, быстро проанализировал наружность (сопатка толстомордая, глазки маленькие, хитренькие, одет небрежно, но удобно, повадки нагловатые, в одном ухе электронный усилитель звука, на вид лет тридцати пяти), определил профессиональную принадлежность, пожал плечами, дескать, хозяин – барин, и продолжил как ни в чем не бывало:

– Алгебра следствия требует, прежде всего, заняться личностью пострадавшего. Если человек убит, значит было в его жизни нечто такое, чего никто не знал. Элементарный вывод из факта преднамеренного убийства...

– Предумышленность надо еще доказать, – возразил задетый за живое публичной лекцией старлей Стеблов. – Мы же не можем пока доказать, что вообще имело место убийство. Никаких следов насилия при наружном осмотре обнаружено не было, сами знаете...

– Не мне вас учить, товарищ старший лейтенант, но все же позволю себе напомнить вам кое-что из наследия великого Холмса: «Мы можем ошибиться, доверившись слишком очевидным фактам. Каким бы простым поначалу не казался случай, он всегда может обернуться гораздо более сложным». Вот вы обратили внимание, например, на мышцы трупа: какой судорогой они были сведены?

– Умереть – не встать! – простонал кто-то из присутствующих, однако, вопреки смыслу своего стога, не умер, но встал и тоже скрылся в коридоре.

– Например – обратил, товарищ частный сыщик без лицензии. Эта судорога называется предсмертной, и без нее, к вашему сведению, ни одна приличная агония не обходится, – отбрил профессионал дилетанта. Дилетант не обиделся, скорее напротив, был польщен доверием: еще вчера он был просто бывшим пожарным, отставником-огородником, а сегодня лучшие детективы города обсуждают с ним насущные проблемы их высокого ремесла. Это ли не доказательство правильности его выбора?!

– А что касается Шерлока Холмса, которым вы меня попрекнули, – невозмутимо продолжал старлей в том же назидательно-просветительском духе, – то он говорил и другое, на мой взгляд, более подходящее к нашему случаю. «Теоретизировать, не имея данных, – гово-

рил ваш любимый герой, – значит совершать грубейшую ошибку. Незаметно для себя человек начинает подгонять факты к своей теории, вместо того чтобы строить теорию на фактах».

– Браво! – расплылся Илья Алексеевич в довольной улыбке, что, однако, не помешало ему возразить: – Впрочем, какое из высказываний великого сыщика более применимо к данному преступлению – вопрос дискуссионный. – И, доверительно понизив голос, полюбопытствовать: – Пресса присутствует с вашего разрешения, товарищ старший лейтенант?

Старлей с некоторым сожалением уставился на свидетеля, как бы говоря: м-да, на солнце ты, дядя, перегреться не мог, не грело оно еще сегодня, а вот головкой удариться – вполне. Жаль, меня это уже начинало забавлять...

Но Муров понял замешательство мента по-своему:

– Как? Значит вы не в курсе? Вон, видите за моей спиной возле дверей такого мордатого, с наушником в одном ухе? Явный журналюга, нюхом чую...

Поскольку убавление звука «прибабахнутым» дяденькой никого из присутствующих не оставило равнодушным, в комнате при этом сообщении царила такая тишина, что нашего отставника слышно было даже в коридоре. В результате все дружно воззрились на толстомордого. Толстомордый расплылся в улыбке:

– Прямо в яблочко, дядя. Так оно и есть – журналюга я, собственный корреспондент еженедельника «Криминальная Хроника России» Лазарь Подхалюзин. Вот моя аккредитационная карточка, – толстомордый отвернул лацкан пиджака и продемонстрировал всем белый, заключенный в пластик, прямоугольничек, снабженный цветной фотографией. С фотографии скалилась в объектив точно такой же улыбкой точно такая же толстомясая физиономия, так что ни у кого не возникло сомнений в том, кто на ней изображен. Даже издали.

Подхалюзин подошел к столу старлея Стеблова, вынул из заднего кармана брюк бумажник, отслучил несколько зеленых купюр и положил их рядом со сторублевкой.

– Я принимаю ваше пари, но на моих условиях. Лично я уверен, что это труп обыкновенного подснежника, потому ставлю триста долларов против ваших ста рублей на то, что я прав, а вы ошибаетесь. Согласны?

Наш детектив, как мы знаем, не был стяжателем, и вообще относился к деньгам равнодушно, но тут на карту (буквально и фигурально) была поставлена его профессиональная честь, к тому же традиции частного сыска не только не запрещали держать пари, но, можно сказать, почти поощряли утирать носы властям подобными демаршами.

– Считайте, что эти триста долларов уже мои, – заявил наш отставник и, не сдержав смущения, улыбнулся извиняющейся улыбкой, дескать, не сочтите за бахвала, но сами понимаете, положение обязывает, все же не кто-нибудь, а детектив, причем частный...

– Вы что, совсем офонарели? – не скрывая раздражения, осведомился старлей Стеблов. – Это вам что, букмекерская контора или все-таки милиция?! А ну-ка очистите стол от посторонних предметов!

– Баксы столу не посторонние, – возразил журналюга и, отслучив из того же бумажника еще столько же, положил чуть в сторонке от первых. – Вам, господин старший лейтенант, я предлагаю пари на тех же условиях, что и господину Мурову. Триста баксов против ста рублей, что этот неизвестный умер насильственной смертью...

– Ловко! – похвалил кто-то из присутствующих. – В любом случае этот парень обменяет свои баксы на рубли по льготному курсу: тридцать три доллара за рубль!

– Не факт, – возразил кто-то другой из той же компании. – Есть риск все проиграть, если вдруг окажется, что это труп «подснежника», убитого по заказу наемным киллером...

Один только старший лейтенант Стеблов не поддался общему веселью, оставшись верным своему персональному раздражению.

– Знаете, как это называется? – указал он на сиротливую кучку зелени и, не дожидаясь ответа, просветил: – Дача взятки должностному лицу при исполнении им служебных обязан-

ностей. И свидетелей у меня... – и он выразительно обвел рукой помещение, полное шокированных очевидцев неслыханного преступления.

– Ну, – с сомнением протянул Подхалюзин, оглядывая присутствующих, – было б нас на порядок больше, за редкий случай массовой галлюцинации еще могло бы сойти. Правда, не за библейский, когда пять тысяч оголодавших мужиков наедаются двумя рыбками, а за уфологический, – когда толпа очарованных обывателей таращится на метеорологический зонд, полагая, что лицезреет боевую летающую посуду иноземных захватчиков... Кстати, генерал Мартов, Виктор Вячеславович, предупреждал меня относительно ваших приемчиков и приколов. Лазарь, будь осторожен с этими приколистами, а в особенности со старлеем Стебловым – стебком в пятом поколении... Но, как изволите видеть, совету вашего областного начальства я не внял и вот мне, пожалуйста, не успел оглянуться, а уже нарвался на фирменную мульку старшего лейтенанта Стеблова...

Телефонный звонок на столе упомянутого старлея избавил последнего от необходимости как-то реагировать на фамильярное заявление журналиста, а нас – от стараний эту реакцию запечатлеть для потомков во всей невообразимости ее оттенков и нюансов. Изложить же телефонные реплики для автора особой трудности не представляет.

– Оперуполномоченный старший лейтенант Стеблов, – представился старлей и застыл, впитывая ценную информацию. По-видимому, характер информации был неоднозначен, изящно выражаясь, полифонический, поскольку рот у Стеблова свело в ироническую улыбочку, тогда как в глазах, помимо обычной смышлености, проявилась настороженность.

– Ясно, Сергей Андреевич, и поддержку корреспонденту окажем, и службу нашу трудную покажем, если потребуется, можем даже побиться об заклад... Это я так, к слову, товарищ подполковник. У нас тут небольшое букмекерское дельце наклеивается... А как же, о генерале Мартове ваш, то есть наш подопечный уже доложил, обставился... Есть висяков не скрывать!.. Кстати, Сергей Андреевич, вы в курсе, что у нас в городе частный сыскарь завелся? Я не шучу, я плачу. Уже успел трупешник нам подкинуть, дело о предумышленном убийстве шьет... Утверждает, что лицензии не имеет, но разве можно их брату частнику верить? Наверняка работает по наводке какого-нибудь теневого денежного мешка...

– Это клевета, лейтенант! – оскорбился наш отставник, не удержавшись в рамках профессионального хладнокровия, в которых твердо положил пребывать своей увлекающейся натуре.

– Скорее провокация, – уточнил Подхалюзин.

Остальные дружно изобразили полное отсутствие интереса к происходящему, а самые решительные и трудолюбивые даже попытались вернуться к своим делам («Итак, вы, гражданин Штиблеткин, утверждаете, что у вас на вещевом рынке было украдено фризое пальто китайского производства?» – «Не китайского, гражданин начальник, а канадского, и не пальто, а три дубленки, и не украли, а нагло сперли из-под самого носа... Я разорен, я в отчаянии! Разрешите смотаться на пять минуточек в рюмочную для поддержания подорванного несчастьями здоровья и восстановления утраченных душевных сил?...» И так далее.).

Стеблов дал отбой и с подчеркнутым интересом взглянул на журналиста.

– Значит, очерк о буднях подмосковного угрозыска писать собираетесь, Лазарь... извините, не знаю как по батюшке...

– Н-да, знание классики русской драматургии среди личного состава МВД оставляет желать лучшего. Лазарь Елизарович я, Денис Валентинович...

– Вижу, к нашей встрече вы подготовились, – улыбнулся старлей почти что любезной улыбкой, – чего о себе сказать не могу: не знал, не чаял, не гадал, не перечитывал, текушкой занимался...

– Надеюсь, ваши необдуманные слова о денежном мешке были сказаны в шутку, старший лейтенант? – напомнил о себе наш частный детектив и, не дожидаясь подтверждения, обратился к журналисту:

– Я принимаю пари на предложенных вами условиях, и предлагаю третейским судьей старшего лейтенанта Стеблова. Вы согласны?

Журналист успел только кивнуть, – Стеблов вмешался:

– Я тоже принимаю пари и в порядке ответной любезности предлагаю третейским судьей Муравушкина.

– Заметано, господа, – хихикнул Подхалюзин и, усилием недюжинной воли подавив дальнейшие проявления неуместной смешливости, немедленно объяснился: – Деньги все равно редакционные, так что кто бы из вас ни выиграл пари, в результате победит истина. А истина – это то, что наш еженедельник призван нести в читательские массы. Единственное требование – чтобы истина была занимательной, то есть не слишком прописной и в меру скандальной...

– Представьте себе, я так и думал, что пари – задание вашей редакции. Такие штучки с ходу не выдумываются и с кондачка не предлагаются, – поделился своей проницательностью старлей Стеблов и мило ухмыльнулся.

– Так я пойду, товарищ старший лейтенант? – проявил нетерпение Илья Муров. – Вам-то что, у вас вон целый штат помощников, а мы, частные детективы, как волки-одиночки, ногами кормимся...

– Ножками Буша, – сострил в сторону (почти себе под нос) старлей, затем подуспокоился, полюбопытствовал:

– А куда вы спешите, если не секрет? В морг?

– В морг? – удивился Муров и тут же пожалел об этом. Глупо, непрофессионально. Детектив не должен ничему удивляться. Что бы ни произошло, он обязан сохранять твердость духа, спокойствие, наблюдательность и цепкость. И наш отставник поспешил исправить досадную оплошность отменной игрой при сносной мине:

– Ну да, в морг, куда же еще? Пропуск дадите? Или хотя бы по телефону их там предупредите, чтобы не чинили препятствий...

– Я, конечно, всего лишь коп – медный лоб, но за четыре года службы в угрозыске кое-чему научился. К примеру, тому, что, чем меньше народу знает об оперативно-розыскных мероприятиях, которые вы намереваетесь предпринять, тем выше вероятность их успешного исполнения...

– Вот черт! – чертыхнулся сам себе наш отставник. – Это же азы! Это же я знаю! Совсем из черепушки вылетело...

– Да, но, Игорь Валентинович, – вмешался Подхалюзин в профессиональную беседу двух сыщиков, – его же могут элементарно не подпустить к телу потерпевшего. Сами знаете – административный восторг-с...

– Если он настоящий частный детектив, а не понарощечный, то справиться с этим восторгом для него не проблема. Правильно я говорю, господин Муров?

– Именно, – кивнул наш отставник и заторопился. – Я пойду?

– Скатертью дорожка, Илья Алексеевич. Когда ждать результатов?

– Минимум, через три дня, – не задумываясь отрезал Муров и, помахав на прощание ручкой, устремился на выход, напряженно раздумывая: на кой ляд ему сейчас переться в морг, и если не в морг, то куда ему в таком случае переться?

– Не бойтесь, что действительно до чего-нибудь докопается? – спросил Подхалюзин Стеблова, как только Муров покинул помещение.

– Таким, как он, докапываться нет необходимости, – устало пожал плечами старлей. – Всё сами в лучшем виде придумают...

ГЛАВА IV

в которой рассказывается о том, что случилось с нашим детективом после того, как он покинул здание отделения милиции

Оказавшись на Центральной улице, Илья Алексеевич впал в еще большую задумчивость и, устремив очи долу, двинулся абы куда, лишь бы на месте не топтаться – и так столько драгоценного времени с этой ментурой потерял!..

Из задумчивости его вывел чей-то голос, судя по тембру, женский, уравновешенный, вежливый, немолодой.

– Извините, пожалуйста, вы нас не сфотографируете?

Муров очнулся от дум, огляделся и установил, что находится на площади Победы, где посреди зеленой клумбы возвышается постамент с танком Т-34. Под постаментом престарелая пара пыталась запечатлеться на пленку на фоне легендарного бронированного гроба на гусеничном ходу.

– Да-да, конечно, – пробормотал Илья Алексеевич, принимая из рук благообразной дамы (назвать ее старушкой не решился бы даже отъявленный невежа) фотоаппарат с краткой и доходчивой изустной инструкцией по его эксплуатации, и наводя объектив на постамент.

– Пониже, пожалуйста, – попросила дама и взяла своего спутника под руку.

Пока наш отставник наводил пониже, с дамой успела случиться неприятность, – у нее потек левый глаз.

– Опять ты, Софочка, переборщила с косметикой, – мягко заметил ее спутник, тоже с виду никакой не старичок, а презентабельный мужчина преклонных лет.

– Косметика тут, Феденька, ни при чем, – возразила дама, утирая белоснежным платочком слезящийся глаз. – Просто эта правая линза очень какая-то неудачная...

– Может быть правая линза и неудачная, – согласился Феденька, – но слезится у тебя левый глаз...

– Не придирайся, пожалуйста, к мелочам!

– Линзы! Контактные линзы – вот что блеснуло у трупы под фонарем! – возопил вдруг наш отставник совершенным Архимедом.

– Что, простите? – ужаснулась своей непонятливости благообразная парочка.

– Да так, ничего, – смутился в ответ Илья Алексеевич. – Это я о своем, о частном, о постороннем... – И решительно заглянул в глазок объектива: дескать, подтянулись, приосанились, сказали «изюм» и замерли в ожидании птички...

Вместо птички фотоаппарат выдал молнию, да такую яркую, хлесткую и неожиданную, что Муров едва не выронил из рук это чудо японской техники. Пришлось для верности повторить операцию. И на этот раз фотоаппарат в руках Ильи Алексеевича не шелохнулся.

– Спасибо вам огромное! Не хотите ли и вы на фоне этой славной боевой машины сфотографироваться? Мы обязательно пришлем снимки по вашему адресу... Хотя, что это мы, глупые? Коль вы здешний, значит наверняка у вас есть такая фотография, – выражали, как умели свою признательность супруги.

– Скажите, пожалуйста, сколько стоит такой фотоаппарат? – пресек поток благодарностей наш детектив.

– На нашу пенсию его, увы, не купишь, – улыбнулись печально они. – Нам его внук подарил и для нас он бесценен... Вот, ездим по местам нашей фронтовой молодости и фотографируемся... право, даже сами не знаем – зачем... Наверное, от скуки...

Муров нетерпеливо взглянул на часы, любезно попрощался со славной четой и понесся в направлении рынка, где можно было купить почти все, в том числе фотоаппарат. И только оказавшись на рынке, в пока еще редком потоке покупателей, наш отставник сообразил, что наличности у него не хватит не только на фотоаппарат, но, пожалуй, даже на пленку. Колебания были тяжки, но непродолжительны: в случае чего (то есть проигрыша пари – что, по мнению Мурова, было верхом нелепости, ибо ни в одном детективном романе ни один частный детектив ни разу не оказался в проигрыше), он восполнит недостающую сумму из пенсии. Ну а

если выиграет это самое пари (в чем сомневаться не приходится, что он, собственно, и делает, то есть не сомневается), то и беспокоиться не из чего. Уговорив, таким образом, свою щепетильность не дурить, не вставлять палки в колеса набирающему ход следствию, он поспешил в обменный пункт валюты, где ему из ста долларов мигом сотворили почти три тысячи рублей, взяв за это чудо всего ничего – каких-то двадцать рубликов комиссионного сбора...

Купив в точности такой же фотоаппарат как у четы («Кэнон» – поправил наш детектив продавца, – а не «Санон») и две кассеты с пленкой к нему, Илья Алексеевич поспешил к своему жигуленку, оставленному им на служебной автостоянке отделения милиции. Хотя до больницы, в которой находился морг, было рукой подать, но глупо было носиться по городу пешком, имея в своем распоряжении автомобиль. Конечно, это не «бьюик» и даже не «крайслер», но все же транспортное средство, способное доставить из пункта А в пункт Б со скоростью 60, а то и все 80 километров в час. Само собой, наш детектив со временем собирался приобрести более скоростную машину, – не ради роскоши и даже не ради самоутверждения, но чтобы иметь возможность уходить от погони или, наоборот, преследовать врага. То есть в сугубо профессиональных целях...

Кстати, о врагах, – вдруг вспомнил Илья Алексеевич почти у самых ворот больницы, занимавшей большой помещичий дом XVIII века, и... проехал мимо, пристально глядя в зеркало заднего вида. С задним видом на первый взгляд все обстояло самым обычным образом, то есть никто за ним не следил, не прятался коварно в потоке машин, поскольку и машин никаких не было. Но это только на первый взгляд. Кто знает, что выяснится после третьего или четвертого взгляда?.. И детектив Муров поехал это обстоятельство выяснять.

Он петлял по улочкам городка, внезапно тормозил, неожиданно изменял маршрут движения на прямо противоположный, вводил в заблуждение, включая правый поворот, а поворачивая налево, наконец, пару раз даже вышел из машины и, проشمгнув проходными садами и огородами, вновь вернулся к ней, но уже с другой, противоположной стороны. Напоследок он достал свой рабочий блокнот и записал в него номера, цвета и марки всех появившихся в поле его зрения автомобилей. Лишь после этого, убедившись в отсутствии пресловутого хвоста, он позволил себе подъехать к воротам больницы.

Морг, разумеется, находился в подвале. Войдя в это печальное, навевающее жуть, помещение и, увидев служителя, мужчину примерно одного с ним возраста (правда, не такого подтянутого, пронизательного и смышленного), Муров поступил так, как заранее спланировал, а именно: предъявил свое устрашающее краснокожее удостоверение пенсионера МВД.

– А говорили, частный сыщик заявится, – разочарованно протянул служитель, – взятки совать будет...

– Кто говорил? Стеблов? – насторожился Муров.

– Не, не Стеблов, какой-то доброжелатель...

– Какой еще доброжелатель? – подозрительно прищурился детектив.

– Я же сказал: какой-то...

– Голос описать можете?

Служитель озадаченно поскреб в затылке, наскреб, ответил:

– Дык разве ж голос опишешь? Его ж слушать надо...

– Мужчина или женщина? – не оставлял попыток хоть что-то выяснить наш отставник.

– Да вроде как мужик, только либо очень простуженный, либо с большого бодуна...

Ясно, смекнул Муров, через носовой платок говорил.

– Голос молодой или старый?

– Да чего вы взъелись на меня, товарищ... уж не знаю, как там вас по званию... ну, допустим, майор... Я у него паспорта не спрашивал, по телефону все равно не видно...

– Ну ладно, – смиловился Илья Алексеевич, сделав зарубку на память (вычислить и разоблачить звонившего по кличке «Доброжелатель»), – покажи мне того жмурика, что сегодня утром доставили.

– Так его ж увезли давно.

– Как увезли? Кто? Куда? По какому праву?

– Да с часа полтора как. Менты из соседнего району. Документы показали, все как полагается. Говорят, мол, наш это жмурик, потому как в нашем районе дубу дал. А раз, говорят, в нашем, значит нам и отчитываться. У них-де и протокол уже нарисован, и постановление имеется, в общем, все бумаги налицо, кроме самого лица, ну то есть жмурика этого...

– Ты, брат, что-то путаешь. Того, о котором я говорю, нашли у нас в городе, в самой черте, в котельной по Вишневой улице. Так что соседнему району тут никаким боком не светит...

Служитель беспомощно развел руками.

– Сколько сегодня вообще трупов было? – напирал Муров. – Ну-ка, покажи журнал.

– Без разрешения начальства не имею такого права. А жмуриков сегодня было всего один, тот, которого увезли...

– Ладно, – едва сдержался наш отставник от оргвыводов с далеко идущими (вплоть до нанесения тяжких телесных) последствиями. – А сколько у тебя вообще этих жмуриков?

– Столько, сколько полагается согласно документам: шестеро...

– Покажи мне всех, – сказал Муров и неуклюже, бочком, сунул приготовленную сторублевку в нагрудный карман служебного синего халата.

– Ты чего это, майор? – оторопел смотритель, не смея радоваться и одновременно опасаясь слишком гневно возмущаться (убедительно все равно не получится, а впонарошку как-то неловко).

– Вместо предписания... Давай, показывай своих орлов, а то я ведь могу и терпение потерять, – с пугающей многозначительностью процедил Илья Алексеевич.

– Сей момент, гражданин начальник! – вдруг утратив все сомнения, обрел прыть смотритель. – Идите за мной, да глядите под ноги, тута ступенек везде где попало наворочено. Подвал-то почитай еще старее дома. А предки наши строили на совесть: что в голову взбредет, то и прищипандорят где вздумается: ступенька так ступенька, колонна – значит колонна...

Муров шел за смотрителем гулким, пропахшим какой-то аптечной гадостью коридором и пытался не раздумывать о том, что означает этот поспешный вывоз трупа «бомжа» в соседний район. Сперва надо убедиться, что вывезли именно его, тот самый труп, который он, детектив Муров, не далее как два-три часа назад обнаружил.

Они вошли в тускло освещенную просторную комнату, посередине которой стояло несколько чисто вымытых прозекторских столов. Возле дверей пара носилок на колесиках. Правая стена – вся в дверцах холодильных камер. Словом, все обстояло именно так, как Илья Алексеевич себе представлял, включая отвратительный дух. Детектив удовлетворенно кивнул и полез за сигаретами.

– Ни-ни, товарищ майор, – расшифровал его движение смотритель. – Курить категорически запрещено. Вентиляция хлипкая...

– Тогда давай показывай. Только свету добавь, а то хрена тут разглядишь...

Смотритель щелкнул выключателем, комната осветилась лампами дневного света. Затем привычно дернул за крайнюю дверцу и выкатил поднос со скрюченной старушкой на нем.

– Не то. Давай следующий...

Искомое обнаружилось последним, шестым по счету. Илья Алексеевич не сразу узнал в предъявленном ему теле свою утреннюю находку, поскольку тело оказалось абсолютно голым. Он потоптался, кружа, стараясь взглянуть под таким углом, чтобы заметить стеклянный блеск контактных линз, однако это ему не удалось. Тогда он, преодолевая подкатывающий к горлу рвотный комок малодушной тошноты, приподнял веко у трупа и попытался извлечь линзу

таким же жестом, каким на площади Победы извлекла из слезящегося глаза благообразная дама свою неудачную левую линзу. К его немалому удивлению, у него это получилось. В руке у Мурова оказалась невесомая, прозрачная пластинка с темным пятнышком посередине.

– Эй, товарищ майор, хорош мародерничать!

– Я не мародерничаю, а провожу следственный эксперимент... Когда, говоришь, этого жмурика к вам доставили?

– Да вроде вчера, – не слишком уверенно отвечал смотритель. – Не в мою смену было дело...

– Кто твой сменщик? Фамилия, имя, отчество, адрес?

– Тарасенков Георгий Иванович. Живет в Перепреевке, а вот где прописан, там ли, или где в другом месте, сказать не могу, не знаю... Да вы у заведующего спросите...

Муров все аккуратно занес в блокнот, затем достал фотоаппарат и сделал несколько снимков трупа, не обращая внимания на протесты смотрителя. Спрятав фотоаппарат обратно в карман, сжалился, снизошел, объяснил:

– Смотри сюда, приятель. Что у него на бирочке написано? Неизвестный, правильно? Найден где? В лесу... В лесу? В какой одежде? И где она, кстати?

– Я ж докладывал уже: не я его принимал, – затянул свою песню смотритель.

– Тебя как звать-то?

– Константином.

– Так вот, обрати внимание, Константин, видишь, теперь, когда я снял у него с одного глаза контактную линзу, он стал у нас каким?

Константин молчал, тупо уставившись на труп неизвестного.

– Ну, присмотришься внимательнее, Константин...

Константин присмотрелся, пожал плечами: дескать, мертвяк как мертвяк, все при ём: окоченение, бездыханность, бессмысленность...

– Ты в глаза ему посмотри! – намекнул Илья Алексеевич. Константин послушал, посмотрел, пригляделся, просиял:

– Дык у него ж один глаз того, карий, а другой вроде как голубой!

– Умница! – похвалил Муров и, посчитав, что смышленность нуждается не только в моральной поддержке, но и в материальном поощрении, сунул в нагрудный карман умницы еще один столик.

– А теперь, Костя, быстренько покажи мне журнал и я потопаю, а то времени у меня в обрез...

– А с этим как? Обратно задвинуть или с собой заберешь, как вещьдок? – засуетился Константин, очевидно, только сейчас прикинувший, сколько потенциальных поллитровок оказалось у него в нагрудном кармане.

– Поставь его на место и береги пуще зеницы ока. Это, как ты, надеюсь, уже понял, не простой мертвец, а особенный...

Сфотографировав до кучи десять последних страниц журнала учета, а также протокол передачи трупа с баланса на баланс, Муров вихрем вылетел из морга, не забыв по запарке проверить заднее сиденье, багажник и стартер, и помчался в Перепреевку, одну из ближних, полудачных деревень, где жил сменщик Константина.

По московскому шоссе попасть в деревню было, судя по километражу, короче, но по времени, из-за большого движения на шоссе – дольше. Об экономии не приходилось и думать. Детективов во время следствия такие мелочи не занимают, и Илья Алексеевич поехал кружной, да зато почти всегда пустынной проселочной дорогой, опять-таки не забыв при въезде на нее, провериться насчет хвоста. Хвост отсутствовал. Это уже начинало Мурова беспокоить: в том смысле, что если он на правильном пути (а он полагал, что так и есть), то хвост за ним быть должен. Может, он слегка переоценил их хитроумие, оперативность и коварство? – продолжал

он беспокоиться, пыля по проселку с предельной для данного типа российского бездорожья скоростью 55 км/час, что соответствовало 35-ти английским милям, – смехота, а не скорость для частного детектива, взявшего след.

Однако этой скорости вполне хватило для того, чтобы на одном из поворотов – не особенно крутом – машина вдруг пошла юзом, соскочила с колеи, ударилась задним крылом о дерево и, перевернувшись поперек оси, влетела в ложбинку, как в овраг. Все произошло так быстро, неожиданно, и глупо, что Илья Алексеевич не успел ничего предпринять: ни сориентироваться, ни газануть, вывернув руль в нужном направлении, ни даже толком сгруппироваться и выскочить на ходу из потерявшего управление автомобиля. Вжиг, бац, бум-дум-хрум и... тишина.

Муров открыл глаза, узрел кровавую пелену перед ними и, прошептав «достали-таки гады», потерял сознание.

ГЛАВА V

в которой продолжается рассказ о приключениях нашего отставника.

Беспамятство нашего героя было недолгим, глубоким и умиротворяющим. Скорее очнувшись, чем придя в себя, он увидел над собою пару поношенных башмаков, явно нуждавшихся в хорошей чистке. «И кто им в таком состоянии позволил выйти из дому?» – понеделумевал наш отставник и попытался перевести взгляд на что-нибудь другое, более отрадное. Попытка, однако, успехом не увенчалась. Пара башмаков по-прежнему застила его взоры двойным тантрическим символом, словно приглашая к медитации.

«Как они тихи, спокойны и торжественно неподвижны», – покорно подумал Илья Алексеевич. «Как они не похожи на тех своих суетливых собратьев, которым подчиненные дурной голове ноги не дают роздыху, заставляя стаптывать подошвы, скашивать каблуки и покрывать плохо выделанную кожу преждевременными морщинками», – продолжал он в том же духе. «Как же я раньше не замечал этой их тихой кротости, усталой смиренности и удивительной стойкости в бедах. И как же я должен быть счастлив, что заметил это наконец. Да, всё дым, всё прах, кроме этой бесконечной кротости, этой беспредельной изношенности, этой пронзительной сиротливости...» Тут наш отставник пригляделся к предмету своих дум внимательнее и поспешил взять последнее определение обратно: как ни были они кротки, какими бы смиренными в своей неподвижности не выглядели, сиротство их оказалось несколько сомнительным. Оба башмака были не сами по себе, но обуты на чьи-то ноги – в серых носках с красно-белым узором, с бледной полоской кожи, видневшейся между носками и двумя задранными штанинами, принадлежавшими, судя по цвету, фактуре и иным родовым признакам, одним и тем же брюкам. «Как же я не заметил этих ног прежде?» – удивился Илья Алексеевич собственной рассеянности и, внимательно взглядевшись в обнаружившиеся конечности, вдруг скорее сердцем, нежели умом, узрел в них что-то смутно знакомое, нечто ненаглядно родное. «Да это же мои ноги!» – воскликнул он мысленно. – «Мои носки, мои парадные туфли, мои штанины от моих же выходных брюк!..» Радость узнавания была великой, но непродолжительной. Смутная поначалу догадка, сделавшись твердой уверенностью, стала стремительно обрастать мнемоническими подробностями. Память, умаявшись от безделья, выдала на гора рекордное количество битов информации. В течение нескольких прекрасных мгновений Илья Алексеевич вспомнил если не всё, то очень многое из того, чего на самом деле с ним не было, зато было с некоторыми из его прославленных коллег по частноссысному ремеслу. «Ах, вот, значит, как было дело!» – ликовал наш отставник. Значится он, путем тщательного логического анализа и не без помощи высокопрофессиональной интуиции, сумел докопаться до сути, обнаружить важную улику, а преступники, проведая об этом (как? да очень просто – по своим каналам лжи, предательства и мздоимства), попытались его убрать. Далее, скорее всего, имела место бешен-

ная погоня, сопровождавшаяся ожесточенной перестрелкой, в результате которой численно превосходящим врагам удалось вывести его из строя (пока, Слава Богу, не живых, а только здоровых и трудоспособных). И вот он лежит в чистом поле (Илья Алексеевич предпринял еще одну попытку поднять голову и оглядеться, но вновь потерпел неудачу), нет, в кювете, истекая кровью от огнестрельных ран, и ни одна собака, ни один левит, ни один добрый самаритянин не остановится, не подойдет, не предложит помощи. Если так пойдет и дальше, то к его огнестрельным ранам неминуемо добавятся душевные травмы, – куда более опасные для жизни и здоровья даже самых искушенных в бедствиях частных детективов...

Тут до слуха нашего отставника донеслось характерное тарахтенье приближающегося мотоцикла. И вместе с этим тарахтеньем к нему вернулись и все прочие шумы неистовавшей кругом жизни, как то: стрекот кузнечиков, шелест листы, жужжание пчел и веселая песнь припозднившегося в силу ряда причин жаворонка. «Слишком много гама для ночи», – отметил про себя Илья Алексеевич. Но додумать до конца эту интересную, сулящую множество открытий чудных, мысль не успел. Тарахтенье приблизилось, заглушив все окрест, затем вдруг смолкло и в установившееся тишине раздался отчетливый, не злой, но с оттенком досадливого удивления мат. Вслед за матом зашелестела попираемая чьей-то не слишком твердой поступью трава и над Ильей Алексеевичем вдруг склонилось смутно знакомое лицо, прозвучали прекрасно известные ему вопросы.

– Живой, что ль? Никак пьяный?

И как только они прозвучали, так словно пелена спала с его сознания, словно долгожданное просветление снизошло. Он понял, кто он и кто этот щеголяющий небрежным человеколюбием парень. Ну разумеется, ну Господи, да это же Пат Чемберс, начальник убойного отдела Нью-Йорка. А сам он, трупно возлежащий в канаве, никто иной, как Майк Хаммер, вляпавшийся в очередное криминальное дерьмо, ставший временной жертвой международных преступных группировок, свивших себе осиное гнездо в самом сердце Америки – в бетонных джунглях Большого Яблока.

– Выхлопа вроде нет, – принялся «Пат Чемберс» и продолжил обследование. – В котелке дырка... Интересно, каким макаром можно сюда по трезвянке заебуриться? Мобудь, Шумахером себя вообразил?... Вот же мать-перемать, возись теперь с этим дуреломом!.. Эй, хрен шумовой, ты меня слышишь?

Разумеется, он его слышал, но истолковывал по-своему, следовательно, и слышал нечто совершенно иное. К примеру, рискнул добрый самаритянин (самаритянин, самаритянин, не левит же!) слегка очистить залитое кровью лицо Муравушкина, пожертвовав ради столь гуманного дела собственным носовым платком сомнительной свежести, и, опознав личность пострадавшего, удивленно матюгнуться (Лексеич, ты, что ль?!), а наш отставник услышал нечто другое: и по тону, и по тембру, и по произношению (гнусавому, нью-йоркскому):

– Погоди-ка (услышал он)... Да это же Майк Хаммер! Вот черт... Ну и дела...

– Как это тебя, Лексеич, угораздило сюда кувырнуться? Тормоза, что ль, отказали? – продолжал между тем самаритянин выражать свое участие и удивление, тогда как до Лексеичева слуха отчетливо доносилось: «До чего ты докатился, парень!.. А ведь все считали, что ты сильнее меня... А все, видите ли, из-за того, что он потерял любимую девушку!»

– Заткнись, Пат! – самым категорическим образом потребовал Илья Алексеевич.

– А чего я такого сказал? – запротестовал «Пат». – Ну офуел маленько, ну матюгнулся. Так я ж не тебя конкретно обложил, а вообще... Небось, не каждый день из авариев полутрупы вытаскиваю, имею полное право выразить свое личное отношение к отдельным недостаткам действительности...

– Все равно тебе ничего не светит, – прервал его Илья Алексеевич. – Вельда любит меня, а не тебя! О, Вельда, Вельда, потерянное счастье мое, горе мое луковое, Мисюсь, где ты? Отзовись...

– То Пат, то Вельда, то какой-то Мисюсь, – бормотал добрый самаритянин, с великим трудом запихивая пострадавшего в люльку своего мотоцикла. – Должно, бредит, – решил он, устраиваясь в седле за рулем и дергая ногой педаль. – Или сбрендил... – Из чего можно заключить, что самаритянину была совершенно незнакома вся эта история очередного спасения мира Майком Хаммером от крупных неприятностей в виде новой мировой войны; история, хорошо известная детям, памятная юношам и пользующаяся успехом у отдельных старцев, которые склонны принимать ее на веру, хотя сама по себе она не более правдива, чем рассказы о чудесах Будды, Христа или Магомета...

– Куда ж тебя такого везти-то? – засомневался самаритянин. – Домой? А может, все-таки в больницу? – После чего матюгнувшись от всей души, дернул что есть мочи педаль и, наконец, добился своего, завел мотор.

Грохот выхлопной трубы привел затихшего, было, в полубеспамятстве отставника в великое смятение. Надо ли говорить, что наш герой услышал родимые для всякой сыщицкой души звуки перестрелки. Он вздрогнул, выпрямился на сиденье, схватил самаритянина за плечо и попытался пригнуть его к рулевой рогадке, крича: «Жми, Пат! Вали, Чемберс! Я тебя прикрою!»

«Пат», насилу освободившись от цепкой сыщицкой хватки Ильи Алексеевича, заглушил мотор и соорудил в чистом поле Вавилонскую Башню из отборного русского мата. После чего обратился к нашему отставнику с такой примерно речью:

– Горе мне с тобой, Лексеич! Да пойми ты, наконец, что никакой я не Пат и не Чемберс, а всего-навсего Еремей Пантюхин, тот самый, что купил у тебя этот вот драндулет, за который еще и должен тебе остался... Так же точно и сам ты никакой не Майк и не Хаммер, а отставной капитан пожарной команды Ильи Лексеич Муравушкин.

– Мне лучше знать, кто я таков, – возразил Илья Алексеевич. – И еще я знаю, что имею право назваться не только Майком Хаммером, но и Филом Марлоу, и Лью Арчером, и Шеллом Скоттом, и даже Ниро Вульфом с Арчи Гудвином в придачу, ибо блестящие расследования, которые они проводили сообща и поврозь, не идут ни в какое сравнение с моими детективными подвигами...

Еремей послушал, послушал, махнул рукой и попытался снова завести своего трехколесного упряма. А пока он этим занимался, наш отставник окончательно погрузился в холерические умствования, то грозясь изречь грозное слово правды (от которого у всех волосы дыбом встанут, а у кого не встанут, тех можно сразу, без суда и следствия, в Синг-Синг запереть), то аттестуя себя как знатока человеческой природы и следопыта дьявольских ухищрений оной, а то и обвиняя определенные силы и известные круги в самых тяжких грехах и преступных намерениях, наитягчайшим и наипреступнейшим из которых было намерение заставить прославленного Илью Мурова вкусить вместо нектара победы горчицу поражения.

Мотоцикл, наконец, сжалился, завелся, затарахтел и двинулся с места дорожно-транспортного происшествия в направлении города. Однако ни ухабы, ни выбоины, ни толчки, болезненно отдававшиеся в поврежденной голове, нашего отставника не уgomонили. В него точно блаженная Агата, муза детективного чтения вселилась. Вселилась, разместилась и давай нашептывать ему разные криминальные разности, применимые к его собственным похождениям и обстоятельствам, – ибо стоило им проехать метров сто, как он уже забыл о Майке Хаммере и возомнил себя Татьяной Ивановой, которой захватившие ее бандиты забыли завязать глаза по дороге в свое логово. «А может и не забыли, – вдруг дошло до нее (то бишь него), – но считают подобные меры предосторожности излишними, поскольку все равно ей не жить. Сейчас доведут, выкачают всю информацию, пустят пулю в лоб и утопят в жидком цементе на дне морском...» Однако то, что эти бандюги пренебрегли даже самым элементарным, не связав ей рук за спиной, им дорого обойдется. Пусть драка и последнее дело, пусть этих головорезов

тоже учили махать конечностями, но без отчаянного сопротивления она не сдастся! Она им покажет, как умеют умирать частные детективы (или детектессы?)!

И Илья Алексеевич показал, да так прытко, что не будь Еремей Пантюхин на взводе, а значит – начеку, – валяться бы им в кювете уже втроем: водитель, пассажир и транспортное средство...

Про мат упоминать не будем, он сам собою разумеется. Упомянем о хорошей реакции Еремея, успевшего и мотоцикл остановить и Илью Алексеевича, после недолгой, но решительной схватки, утихомирить. В оправдание нашему герою сошлемся на общую слабость, явившуюся следствием аварии, возможного сотрясения мозга и потери энного количества крови. Нет ничего удивительного, тем более – постыдного в том, что уже через минуту Илья Алексеевич вдруг обессилел и в очередной раз потерял какое-никакое, но почти что свое сознание.

Наученный непродолжительным, но зато достаточно горьким опытом, Еремей, словно вняв бреду потерпевшего, скрутил ему руки ремнем и крепко-накрепко пристегнул поясом безопасности к сиденью коляски. Правда, темной повязки на глаза надевать не стал. Из каких соображений – неизвестно, ибо оттуда, куда он нашего героя вез, живыми иногда возвращались, здоровыми, бывало, выписывались...

ГЛАВА VI

повествующая о том, куда добрый самаритянин препроводил нашего героя, и о приеме ему оказанном

– Так, так, так, так, так, так, так, – сказал дежурный врач той самой больницы, в морге которой Илья Алексеевич не далее как сегодня утром побывал с деловым визитом.

– Почему не раздет? – блеснуло очками в сторону фельдшера приемных покоев его временное непосредственное начальство.

– Не желают разоблачаться, – ответил сквозь зубы фельдшер и осуждающе уставился на Илью Алексеевича.

– А помощь получить они желают? – продолжал доктор доставать фельдшера, не обращая внимания ни на больного, сгорбившегося на приемном табурете, ни на сопровождающее лицо, стеснительно топчущееся возле выкрашенных белой краской дверей.

– Минимальную, – кивнул фельдшер. – Капните, говорит, мне йодом на ранку, да просветите на всякий пожарный рентгеном. В долгу, говорит, не останусь...

Доктор перевел, наконец, взгляд с фельдшера на больного, а оттуда на сопровождающее лицо.

– Вместе пили?

– Кто? Я? С Лексеичем? Сёдня или надысь? – с великой готовностью и большой охотой разразился встречными вопросами Еремей.

– Сегодня, вчера и третьего дня, – строго уточнил врач.

– Сёдня ни грамма, – вздохнул Еремей, стараясь дышать в сторону и преимущественно ушами. – А надысь – вмазал, врать не буду...

– И много вмазали?

– Нормально, – последовал исчерпывающий ответ.

– Нормально? – скептически усмехнулся доктор. – Если бы нормально, то в больнице не оказались бы.

– Вот именно! – с неожиданной горячностью воскликнул потерпевший. – Если б все прошло нормально, я бы сейчас в вашем морге лежал, бок обок с трупом, убитым неизвестными злоумышленниками...

– Пока что неизвестными, – мстительно добавил он.

Доктор с фельдшером переглянулись.

– С убитым трупом, говорите? – переспросил врач со странной, почти сострадальской улыбкой.

– Это у него, доктор, от шоку, – вступился за нашего отставника Пантюхин. – Заговаривается, своих не признает, с воображалкой никак справиться не может... Так ведь он не куды-нибудь, аккуратно в дерево въебурился и в овражек кувырнулся. Вон башку себе пробил, от сквозняка мается...

– А вы как уцелели, любезнейший? – в свой черед не сдержал профессионального скепсиса фельдшер.

– А чего мне сделается? Я за водярой в город намылился, да вот на него и набрел... Думал, домой свезти, да куда там! Шибко нервный, без успокоительного с ним не сладить... Хорошо бы ему не только йодом дырку закапать, но и чего-нибудь от нервного куражу прописать...

Доктор встал, подошел к телефонному аппарату и начал набирать номер на плохо вращающемся диске.

– Где вы его подобрали?

Еремей кратко и доходчиво объяснил. И, подумав, добавил, вероятно, для общей ясности:

– Должно, с управлением не справился.

– Не ври, чего не знаешь, – вдруг вновь ожил Муравушкин. – Я тебе не курица, чтоб поперек дороги летать, и не акробат, чтоб кувыркаться! Я двадцать лет за рулем, и не на таких буераках трястись доводилось, и ни одной аварии!

– Тогда почему же вы в овраг угораздились? – вкрадчиво осведомился доктор.

– Потому, – буркнул неприветливо Илья Алексеевич и вновь уставился в пол, раздумывая, а не избрать ли ему из всех путей протеста, самый верный и решительный: взять и замкнуться в гордом молчании?

– А все же? – не унимался, лез в душу профессиональной сапой дипломированный медик.

– Есть такое понятие, как тайна следствия, – устало и доверительно сообщил наш отставник. – И я не вправе открыть ее первому встречному, пусть и доктору...

– А! – сказал фельдшер и вдруг повеселел, но, заметив, с каким профессиональным интересом воззрился теперь и на него дежурный врач, быстренько уняв свое оживление, поспешил с объяснением: – Константин, смотритель морга, рассказывал. Дескать, ворвался к нему какой-то мужик, частным детективом представился, двести рублей подарил, жмурика какого-то сфоткал и помчался, как угорелый, в Перепреевку, со сменщиком его разбираться. Так это были вы, больно?

– Сам ты больно! – огрызнулся Муров. – Я раненный при исполнении профессионального и гражданского долга детектив!

– Так, так, так, так! – удовлетворенно зачастил доктор. – Уже кое-что проясняется... Значит, это вовсе не следствие несчастного случая, шока, травмы головы, как вы, – он кинул на Пантюхина неоднозначный, полный врачебной укоризны и одновременно человеческой снисходительности, взгляд, – утверждали, а наоборот: травма, авария и все прочее являются следствием, а никак не причиной недуга.

– В психи рядите? – деловито осведомился Илья Алексеевич. – Всё, что не укладывается в ваши, кстати, довольно спорные представления о норме, является для вас несомненным доказательством психической ненормальности?

Доктор с фельдшером в очередной раз переглянулись, но уже не понимающе, как прежде, а скорее недоумевающе, причем даже Еремее было ясно видно, что недоумевают они не сообщая одному и тому же, а очень даже повзрось, и каждый своему.

– Сами охаете да ахаете, мол, всюду кругом преступность расплодилась, житья не дает, а как только кто-нибудь решится эту преступность искоренить, того сразу в полоумники и в

психушку. Так кто же, спрашивается, из нас сумасшедший? Я, частный детектив Илья Муров, не покладаящий рук в борьбе с бандитами, не жалеющий ради вашего мирного и безопасного житья-бытия собственного здоровья, или вы, близорукие обыватели, не ведающие ни о благе своем, ни о пользе?

Наступившую тишину прервала громкая икота раскаяния, сотрясая мускулистую худобу Еремея Пантюхина.

– Прости меня, Алексеич, не разобрал я с похмела что к чему!..

Илья Алексеевич миролюбиво отмахнулся, – жест, исполненный самой гуманной снисходительности: мол, какой может быть с тебя, Еремей, с человека, особых склонностей ни к чему, кроме пьянства, не проявляющего, спрос?

Доктору наконец удалось сладить с телефоном – набрать нужный номер, дожидаться ответа и о чем-то с кем-то приглушенно и неразборчиво поговорить. Мурову, показалось, что он расслышал две смутно знакомые фамилии – Хлюзин и Седлов, но полной уверенности в этом не было.

– Значит, вы утверждаете, что попали в аварию не сами по себе, то есть не в результате несчастного случая, а вследствие чьего-то злого умысла?

– Именно, что умысла, – кивнул Илья Алексеевич, морщась от головной боли. – Тут факт бесповоротный.

– Какой-какой? – встрепнулся дежурный врач, уже было потерявший профессиональный интерес к пациенту.

– Бесповоротный, – подсказал фельдшер.

– Ну и что? – вызывающе икнул Пантюхин, всем своим видом демонстрируя готовность лечь костями за правду и справедливость.

– Ну как же! Потерпели аварию на повороте, а теперь утверждаете...

– Не придирайтесь к словам, доктор! Не стройте из себя Зигмунда Фрейда!

– Ха! – сказал доктор. – При чем тут Фрейд?

– Фрейд всегда при чем, – терпеливо объяснил Муров, – стоит только дать волю въедливости...

– Ну, допустим, что аварию действительно подстроили. Но с какой целью? Если они хотели вас «убрать» (я правильно выражаюсь? именно так это называется?), то цели своей не достигли...

– А с такой целью, Коновал Петрович, – не выдержал Илья Алексеевич, – что попятити мои вещественные доказательства! Все как есть попятити: и фотоаппарат, и пленку с уликами, и...

...Илья Алексеевич вдруг осекся и умолк, вовремя вспомнив о газетном клочке с неразборчивыми каракулями. В настрадавшейся головшке яркой звездой вспыхнула надежда, что не добрались до клочка супостаты, что не додумались. Все же не фотоаппарат и даже не фотопленка, а какой-то неопределенный обрывок газеты, пригодный только для конкретного употребления. Кстати, защемило на сердце у нашего отставника от собственной оплошности, я ведь так и не удосужился узнать, что это была за газета... Но тут встречное опасение вытеснило предыдущее – Илья Алексеевич похолодел, подумав о том, как легко мог такой клочок соблазнить какого-нибудь варвара употребить его по назначению. Так крошится печенье. Так обрываются последние путеводные ниточки невероятно запутанного клубка!..

– Этих убийц, подстроивших мне аварию, необходимо немедленно выявить, уличить и арестовать, иначе они таких неопикуемых бед натворят...

– Так уж и неопикуемых? – усомнился доктор, сам неоднократно баловавшийся в томительные часы ночного дежурства чтением детективов.

– Опять вы за свое! – не сдержал укора Илья Алексеевич. – Опять к буквам цепляетесь!..

– Помилуйте, какие уж тут буквы, тут целый роман получается, – возразил доктор.

– Слышь, Лексеич, может, мне за Федоровной сбегать? – внес предложение измаявшийся от борьбы с проклятой икотой Еремей.

– Стой, где стоишь, Ерёма! – сверкнул глазами Илья Алексеевич и, обратившись к медицинскому персоналу, просительно добавил: – Не надо Федоровну...

– Кто эта Федоровна, жена? – полюбопытствовал доктор.

– Тетка. Но такая, что почище любой жены будет, а то и двух, – объяснил Еремей и вдруг осерчал: – Да что же вы как неродные! Ни дырки не обработаете, ни укола не зашпандорите?! Ведь мается человек...

– Может ему еще и сто грамм налить? – осведомился задетый выговором фельдшер, и ехидно продолжил: – А тебе – двести?

– Зря веселитесь, – заметил Муров. – Пантюхин дело говорит. Алкоголь в небольших, но основательных дозах в нашем деле незаменимая вещь. Даже Арчи Гудвин, не признающий никаких других напитков, кроме молока, и тот, побывав в такой передрыге, в какой побывал я, позволял себе выпить хорошую порцию виски с содовой.

– Содовой не держим-с, – буркнул фельдшер и выжидающе уставился на дежурного эскулапа, задумчиво протиравшего свои очки бархатным лоскутком.

– Можно водой развести, какие проблемы? – оживился Еремей.

– Ошибаетесь, любезный, – подал голос доктор. – Ни один уважающий себя детектив не позволит себе пить разбавленное водопроводной водой виски. Правильно я говорю, больной?

– Нет, ну почему же... Фил Марлоу иногда и с водой не брезговал, если обстоятельства не благоприятствовали, – пустился было в литературные воспоминания наш отставник, но вдруг умолк, осознав, как его назвали, вскочил, покачнулся, снова сел на табурет и, устало прикрыв глаза, с бесконечным терпением произнес:

– Кажется, я уже говорил вам, что я не больной, а раненный при исполнении профессиональных обязанностей частный детектив. Не пристало медицинскому работнику обладать столь короткой девичьей памятью: рискуете утратить квалификацию...

– Вишь как излагает! – не сдержал восхищения фельдшер. – Может, он действительно не совсем больной, а еще немножечко и раненный?

– Кто тут врач? – блеснул стеклами очков дежурный доктор. – Кому лучше знать, больной он или раненный? И я сейчас это докажу как дважды два четыре...

Доктор придвинул свой стул к табурету Ильи Алексеевича, взял последнего за руку и вдруг заговорил с профессиональным дружелюбием, сквозь которое изредка, как бы ненароком позволял пробиваться простому человеческому участию:

– Давайте рассуждать логически. Вы обнаружили труп неизвестного и в силу психологических обстоятельств, донимавших вас в последнее время, решили, что найденный вами покойник является жертвой преступления. Допустим, что так и есть, что этого несчастного действительно убили... Что ж, давайте последовательно проследим, что вы предприняли, чтобы поймать и обезвредить опасных преступников. Или, говоря языком вашего излюбленного жанра, какие поисково-розыскные мероприятия сочли нужным учинить. Итак, в поисках убийц неизвестного вы произвели следующие действия. Напугали до смерти (если не до летального исхода, то до непроизвольного мочеиспускания, а это иногда хуже смерти, я вам это как врач заявляю!) дворника. Напросились в кабинет к дознавателю под видом очень ценного свидетеля, где предложили ему держать пари на смехотворную сумму, затем привлекли к этому делу репортера желтой прессы. После чего навестив морг нашей больницы, подарили его смотрителю двести рублей, сфотографировали одного из постояльцев этого печального заведения и, узнав адрес сменщика смотрителя, понеслись к нему на собственном автомобиле, не разбирая дороги, не учитывая технических возможностей вашего драндулета. В результате естественнейшим образом угодили в дорожно-транспортное происшествие... Спрашивается:

возможно ли, действуя таким образом, кого-либо поймать, уличить или арестовать? И если вы человек не больной, а только раненный, то вы сами ответите...

– Никоим образом? – догадался заинтригованный Муров.

– Лучше: никогда, ни за что и ни при каких обстоятельствах! – не принял подсказки доктор.

– Ловко! – воскликнул из своего угла Еремей. – Ежели Лексеич с тобой, доктор, не соглашается, значит, он больной. А ежели соглашается, то опять не раненный...

Услышав столь логическое умозаключение, наш отставник окинул Пантюхина долгим заинтересованным взглядом, как бы говоря: кто бы мог подумать, что в таком насквозь проспиртованном теле обретается не чуждый логике дух?! Однако высказаться по этому поводу не успел: в дверь постучали и, не дожидаясь приглашения, вошли. Судя по отсутствию бравой выправки и присутствию кожаных мундиров, два, анахронично выражаясь, гаишника.

– Кто тут у вас в кювет по пьяной лавочке навернулся? – весело гаркнул один, что был постарше, поопытней, посолиднее. Другой, помоложе и постройнее, взглядевшись в сгорбившегося на табурете Мурова, призадумался:

– Где-то я этого гражданина сегодня видел...

– Вот он и навернулся, – невоспитанно ткнул пальцем в пострадавшего фельдшер. – Только не по пьяной лавочке, а...

– А по какой? – удивился старший такому неожиданному повороту событий.

– Видите ли, – замялся доктор, старательно подбирая слова попроще из своего обширного, богатого латинизмами лексикона, – все оказалось несколько сложнее, чем представлялось нам в начале...

– Оказалось, представлялось, – пробормотал старший, то ли передразнивая медика, то ли пытаясь постигнуть смысл услышанного. Тут он заметил Еремея Пантюхина и его впадавшая в мучительную задумчивость физиономия моментально прояснилась:

– Подельник? Свидетель? Виновник происшествия? Пассажир? Па-апрашу пройти с нами...

– Лексеич! – позвал на помощь Еремей.

Наш отставник немедленно вскочил на ноги, открыл рот, вздохнул, зевнул, добрел до жесткой медицинской кушеточки и, опустившись на нее, утратил всякую связь с происходящим.

– Вспомнил! – вскричал молодой. – Это из наших. Проверяющий. Капитан Мурышкин... Видать, кому-то дорожку перебежал или... – Но что «или» объяснять не стал, обернулся к доктору: – Что с ним? Что-то серьезное-огнестрельное?

– Боюсь, что да, – не стал увиливать дежурный врач от ответственности. И в свой черед, обратившись к фельдшеру, распорядился:

– Валентин Модестович, оприходуйте в темпе, вызовите санитаров и поместите в шестнадцатую палату...

– Может, лучше в шестую? – позволил себе уточнить фельдшер.

– Нет, в шестнадцатую! И давайте прекратим эти никчемные дискуссии. Черепно-мозгового к черепно-мозговым!

– Как скажете, Виктор Павлович, – сухо кивнул фельдшер и потянулся к телефону.

ГЛАВА VII

содержащая рассказ о тщательной ревизии, которой подверглась библиотека нашего отставника со стороны его родных и близких

Удрученные бедой и подавленные обстоятельствами возвратились из больницы подполковник Елпидов и учитель географии Семиржанский. К Илье Алексеевичу их не пустили – к

черепно-мозговым-де только по предписанию главврача в сопровождении старшего невропатолога, да и то из расчета один родственник в неделю, два приятеля в месяц. О состоянии здоровья лечащий врач ничего конкретного не поведал, ограничившись туманными намеками да загадочными экивоками, из которых каждый мог сделать тот вывод, к которому был склонен. Выводы подполковника и учителя, разнясь в частностях, совпали в главном: допрыгался наш Илья Алексеич чуть ли не до маниакального психоза.

В грустном молчании подошли они к дому Мурова. Тетка нашего героя, отложив шитье и грозно выпрямившись, встретила их со сдержанной стервозностью: холодно кивнув в ответ на их приветствие, стегнула не поддающимся истолкованию взглядом.

– Уважаемая Марья Федоровна, – справившись с волнением, заговорил Елпидов, – могу поклясться на 45-м томе Ильича, что не имею к тому, что случилось с Ильей Алексеевичем, никакого отношения!

– И я, – подал голос Семиржанский, – тоже могу присягнуть... то есть поклясться... – Умолк, покраснел и уточнил: – Но – на Библии...

Взгляд Марьи Федоровны не то чтобы смягчился, но скорее утвердился в некой мысли, что сделало его менее тягостным, более сносным, как бы даже терпимым. В известных пределах, разумеется.

– Ой! – обрадовалась племянница Ильи Алексеевича, видя такую перемену. – У нас, кажется, и Ленин есть, и Библия имеется... – И, вспорхнув, скрылась из кухни в направлении внутренних покоев.

Гости недоумевающе переглянулись.

– Я в том... э-э... смысле, Марья Федоровна... уважаемая, – пересилил себя Семиржанский, – что все случившееся с Ильей Андреевичем стало для меня такой же внезапной в своей огорчительности неожиданностью, как если бы у нас тут вдруг произошло извержение вулкана, землетрясение или столкновение с Тунгусским метеоритом...

– Не надо! – пискнула вернувшаяся с двумя объемистыми книжками племянница. – Не продолжайте, Аркадий Иванович, а то накличете! Луна в фазе Марса, Солнце в доме Юпитера, дядя Иля в больнице, а вы...

– Уймись, коза! – цыкнула на внучатую племянницу Марья Федоровна. – Нахваталась всякой оккультизмы из своих дурацких сериалов! Как есть скоро в одной палате с дядькой своим окажешься...

– Я не коза, я – Юлия! – возразила племянница и с чувством грохнула о стол принесенными томами, что, впрочем, не произвело ни на кого из присутствующих (кроме, разумеется, вздрогнувшего учителя и, само собой, нервно поморщившегося подполковника) особого впечатления.

– И никакой такой новостью для меня то, что Илюха в психушку угодил, не стало, – заявила Марья Федоровна, как бы продолжая прерванный незначительным событием разговор. – Ежели мужик на старости лет ведет себя как дитё малое, всякой мутью зачитывается да невесть кем себя воображает, то дорога ему одна – в дурдом!

– Ну что вы, Марья Федоровна, – попытался урезонить хозяйку Елпидов. – Какая же это психушка? Обыкновенная больница. Там и аппендиксы удаляют, и роды принимают...

– И психов лечат, – не позволила сбить себя с толку Марья Федоровна.

– Ну хорошо, – решился на обходный маневр подполковник, – ну допустим... А в чем эта психическая аномальность выражалась?

– Как в чем? – озадачилась старуха. – Да в нем во всем и выражалась. – И, умолкнув, внимательно взгляделась сперва в Елпидова, затем в Семиржанского: дескать, чем черт не шутит, вдруг Илья не один умом тронулся, вдруг они всей компанией крыши лишились?

– Ну вот, например, на скрипке он не пытался играть? – пришел на помощь подполковнику учитель.

– Вау! Как Шерлок Холмс? – обрадовалась собственной догадливости Юлия.

– Не, не пытался, – не дала увести разговор в сторону Марья Федоровна. – А вот окурком в сарай залепить – это пожалуйста. Почитай, цельный вечер на это убил.

– Окурком в сарай? – изумился Аркадий Иванович. – Зачем?

– А за тем, что умом повредился, – начала развивать тему Марья Федоровна, но была беспардонно перебита подполковником.

– Попал? – спросил Елпидов и, дабы упредить всяческое недопонимание, уточнил: – В сарай...

– Вот и я грешным делом подумала, что по пожарам соскучился, – моментально вникла в суть тетка нашего отставника. – Молодость вспомнить захотелось, потушить какой-нибудь очаг возгорания приспичило... Подошла, чтоб пристыдить, гляжу, а на стенке сарая глаз намалеван, и он, значит, в этот глаз окурком-то и метит, как заведенный. Всю пачку скурил...

– Человечий? – уточнил учитель географии.

– Кто?

– Глаз нарисованный...

– Скорее порсячий. Больно уж мелкий...

Елпидов с Семиржанским понимающе переглянулись, но о чем – не поведали.

– А то еще взял и замок в сарае сменил, – продолжала углубляться в историю болезни Марья Федоровна. – Вместо амбарного квартирный врезал. Думала, самогон гнать замыслил, а он... Уж лучше бы самогон...

– И что он там прятал? – не скрыл своей проницательности учитель.

– Прятал? – изумилась старуха. – Ни шиша он там не прятал. Замок приладил, дверь запер и давай в нее ногами биться, как припадочный. Пока не сломал, не успокоился...

– Дверь сломал?

– Нет, замок вышиб. Напрочь...

И вновь Елпидов с Семиржанским переглянулись понимающе. И вновь умолчали – о чем.

– Вот так сразу, как вставил замок, так и выбил? – выразил сомнение подполковник.

– Нет, не сразу. Сперва он в ём проволокой долго ковырялся, должно, отомкнуть, как ключом, хотел. А уж когда не вышло, тогда ногами...

Подполковник с учителем не скрыли своего облегчения.

– Не волнуйтесь, Марья Федоровна, это он просто тренировался. Сперва замок отмычкой отпирать, а потом запертые двери ногой вышибать...

– Как же не волноваться, когда в голове у него такая окрошка, что ни бельмеса не разобрать. То говорит, я – де сыщик, честный милиционер, а сам в лиходейском ремесле натореет, в замках ковыряется...

– Не честный милиционер, а частный детектив, – встряла внучатая племянница. – Я же тебе объясняла...

– Не трещи, – цыкнула Марья Федоровна. – Тогда зачем он в доме заикание устроил, ежели он детектив? Нешто детективы с электричеством на службе балуются?

– А-а, – расплылся в понимающей улыбке Елпидов. – Таинственное событие, называемое коротким замыканием, – процитировал он как бы к слову, то есть невпопад, как это нередко случается с заядлыми книгочеями, для которых весь мир исполнен персонажей, коллизий, аллюзий и метафор прочитанных ими книг.

– Это когда на подстанции предохранитель полетел и всех нас на весь вечер без света оставил? – догадался учитель.

– Вот видишь, бабуля, и Аркадий Иваныч о том же. Не устраивал дядя Илья никакого замыкания. У всех тогда замкнуло...

– Так я тебе, козе, и поверила, – не согласилась Марья Федоровна с девушкой. – Он, Илюха это заикание устроил. Как тогда с лампочкой вот в этой самой кухне. Забыла?

– Но это же совсем другое, бабушка! – запротестовала племянница. – Он же тогда просто проверял, сработает этот фокус с фольгой в лампочке. И сколько времени она будет гореть до того как перегорит... А когда настоящее замыкание случилось, тогда он просто случаем подходящим воспользовался, чтоб потренироваться...

– В чем? – воскликнули в один голос оба гостя.

– В дурости, – поспешила опередить племянницу тетка. – Бог не даст соврать, стою я тут вот возле плиты, щей навариваю, вдруг слышу, кто-то вот эту дверь входную, которую мы летом только на ночь запираем, захлопнул и на ключ снаружи замкнул. Я и сообразить ничего не успела, как опять в нее ключ вставили, да как распахнут настежь и кубарем в кухню. Гляжу, а это Илюха окончательно ума лишился: кувыркается на полу как в падучей и во все стороны из детского пистолетика водой так и брызжет, так и брызжет! Ну псих, прости меня Господи, психом... Я ему: что же ты, нехристь, тут выкомаривашь? А он мне: молчи, мол, старая, не мешай, я вход в запертое помещение при фигс-дежурных обстоятельствах отрабатываю...

– Форс-мажорных, наверное? – робко уточнил Семиржанский.

– Да хоть и мажурных, а у меня вместо щей какая-то бурда получилась... Вот что с человеком эти проклятушие книжонки творят: и ума лишают, и стыда, и родной речи... Да и вы хороши! – перевела старуха стрелки с любимого племянника на его корешей. – Вместо того, чтобы отвадить его от этой муры, небось приваживали, книжонками этими обменивались, турысы разводили...

– Марья Федоровна, вы правы только отчасти, – выступил вперед подполковник. – Да, каюсь, обсуждали мы с Ильей Алексеевичем некоторые шедевры детективной литературы. Но только классические. В духе романтического меланхолика Дюпена. До триллеров и прочей блокбастерной крутизны не опускались, – продолжал Елпидов, висясь и оправдываясь. – И поверьте, из уместных реплик и дельных замечаний Ильи Алексеевича обнаружить симптомы его заболевания было никак не возможно. Я даже пытался приобщить Илью Алексеевича к настоящей литературе: к историческим трудам военных историков, мемуарам прославленных полководцев, увы, безуспешно... Однако мне и в страшном сне не могло присниться, что он вдруг вообразит себя оседлым рыцарем справедливости и двинется на детективные подвиги по проселкам и буеракам!

– Вот-вот, – подхватила воодушевленно племянница. – Я тоже хотела дядю Илю на настоящую прикольную литературу подсадить – на «Властелина колец», «Гарри Поттера», на «Игру престолов» и все без толку...

– Прикольную детективную литературу говорите! – поднялась с табурета Марья Федоровна, вся такая осанистая да неумолимая. Сверкнула очами, стукнула наперстком по столу и тоном, не терпящим ничего, кроме беспрекословного повиновения, потребовала:

– А ну, Юлька, тащи эти книжонки во двор на расправу!

– Что это вы, Марья Федоровна, задумали? – обеспокоились гости. И тоже вдруг оказались на ногах посреди кухни.

– А то, – молвила старуха непреклонно, – анафеме их предам! Сожгу к чертям собачьим!

– Как сожжете? – всплеснул руками учитель. – Но это же сущее варварство – книги сжигать!

– Смотря какие, – рассудительно заметил подполковник.

– А писать хренотень всякую не варварство? – возмутилась Марья Федоровна возмущению учителя. – Да если бы не они, проклятые, мой племян сейчас бы дома по хозяйству хлопотал, а не с проломленной башкой в психушке прохлаждался! – И, не сдержав сердца более, Марья Федоровна дала вою своим стародавичьим слезам: один глаз увлажнился, другой сморгнул...

– А не лучше ли, бабуль, сдать их в макулатуру? – внесла предложение самая молодая из присутствующих. – А на вырученные деньги хороших книг купим. Толкиена, например, Джоан Роулинг, Пабло Куэлью...

– Еще чего! Хрен редьки не слаще! – мигом отреагировала старуха и, стремительно миновав коридорчик, вошла в комнату Ильи Алексеевича, в которой, помимо застеленной железной кровати с громоздившимися к потолку подушками, стола, двух стульев и старинного платяного шкафа, все остальное место занимали полки с книгами. Было этих книг на глазок великое множество, может быть, даже тысяча штук. Всякого размера, объема и степени зачитанности. В твердых переплетах, мягких и вовсе без оных. Изданных еще во времена лучшего друга всех первопечатников страны Советов, выгодно отличавшихся от нынешних угрюмой серьезностью крышек, и кое-как, на скорую руку состряпанных кооперативных ублюдков перестроенного безвременья.

– Ишь, сколько вас тут развелось! – воскликнула Марья Федоровна, останавливаясь посреди комнаты и пытаясь охватить негодующим взором всю тысячу.

Книги затаили дыхание.

– Бабуленька, – позвала племянница, опасливо заглядывая из коридора в растворенную дверь, – миленькая, вернись, не стой там. Сюда без священника нельзя! Пусть батюшка сперва их святой водицей окропит, молитвой обезвредит, а то еще материализуется какой-нибудь из маньяков, головорезов или серийных убийц, которыми кишмя кишат эти книжки, и всех нас порешит...

Кто-то из гостей, следовавших за племянницей неотступно и сгрудившихся теперь перед дверью, громко прыснул, а кто-то голосом Елпидова назидательно возразил:

– От полтергейстов, Юленька, ни святая вода, ни псалмопение уберечь не могут, но только холодный душ по утрам и вечерам, здоровый образ жизни и строгая научность материалистического мировоззрения...

– Это я их порешу! – коротко обдумав доводы племянницы, вынесла свой вердикт Марья Федоровна.

– Вряд ли Илья Алексеевич будет в восторге, – пробормотал Семиржанский, бочком, вслед за Елпидовым, протискиваясь мимо застывшей в мистической нерешительности Юлии в комнату.

– А что если обменять их на классику? – задался вслух вопросом подполковник. И весь вдруг загорелся этой блистательной идеей. – Нет, действительно, Марья Федоровна, все-таки, как ни крути, но книги – собственность Ильи Алексеевича. Их нельзя ни продать, ни тем более сжечь, ни даже обменять, скажем, на культиватор. А вот если на хорошую литературу обменять... Под хорошей литературой я разумею произведения тех авторов, которые если и любят человечество, то до того странную любовью, что наотрез отказываются принимать близко к сердцу интересы читательских масс, появившихся благодаря обязательному образованию, и совершенно не надеются, подобно иным бумагомаракам, своими рассказами об убийствах, погонях, драках, перестрелках, членовредительстве и прочих противоправных действиях привлечь внимание своих неусыпных читателей к романам Федора Достоевского, рассказам Антона Чехова и стихам Осипа Мандельштама.

Елпидов наконец умолк и торжествующе оглядел присутствующих.

– Если я правильно вас понял, Владимир Антонович, – подал голос учитель, – то уж кому-кому, но Достоевскому в обновленной библиотеке нашего друга не место. У него же почти в каждом романе, что ни убийство, то тайна, что ни тайна, то расследование... Да и Чехову там делать нечего. По крайней мере, некоторым из его рассказов. «Шведской спичке», например. Хотя и иронический, но все равно детектив, самым же автором помеченный как «уголовный рассказ». Уж не говорю о полной мрачности насилия и изощренного садизма повести «В овраге»...

– Остался один Мандельштам, судьба которого после 17-го года вполне заслуживает жанрового определения «триллер», – усмехнулся Елпидов. Затем посерьезнел и командно продолжил:

– Черный список запрещенных к обмену авторов мы уточним позже. А сейчас наша цель – решить, каким образом можно оперативно, без неоправданных потерь времени и сил, выполнить поставленную задачу.

– Может, дать объявление в газету? – донеслось из коридора предложение племянницы.

– Через газету слишком долго, – не согласился Елпидов. – Боюсь, Илью выпишут раньше, чем мы успеем обменять хотя бы половину библиотеки.

– И накладно, – поддержала подполковника тетка нашего отставника.

– Тогда объявить по радио. Местная волна «На семи буераках» каждые два часа вместо новостей частные объявления зачитывает, – не унималась племянница в коридоре. – Мол, по такому-то адресу всяк желающий может обменять тягомотную классику на прикольную развлекуху...

– Ни в коем случае! – воскликнул учитель. – А вдруг Илья Алексеевич услышит, разволнуется, попытается сбежать из больницы, чтобы...

– Нет у них там никакого радио, – сообщила Марья Федоровна. – И телевизоров тоже нет. И этими заушными тархтелками доктора им уши затыкать запрещаю. И никаких газет не пропускают. Заворачивайте, говорят, ваших курей с котлетками в цылуфаны, а не в периодику. Дескать, желудки у черепно-мозговых крепкие, а головенки слабые...

– Значит, решено: через радио. Оперативность стоит риска, тем более минимального, – подытожил Елпидов. – Как с этими буераками связаться вы в курсе, Юленька?

– В ку... – пролепетала племянница, показываясь в проеме и отчаянно румянясь от смущения и удовольствия, поскольку никак не могла привыкнуть к церемонному «вы», с которым к ней, как к взрослой, стал обращаться с недавних пор подполковник. А именно, с поры ее шестнадцатилетия...

– Вот и славно. Не мешкая, связывайтесь. Только ради Бога, обойдитесь без этих ваших жаргонизмов вроде «развлекуха», «тягомотина» и прочее. Объявление должно быть кратким, четким, доскональным и информативным. Вопросы?

– Это что же получается? – охотно задалась вопросом тетка нашего героя. – Это ж весь город сюда набегит, весь двор вытопчут, грязи нанесут...

– Исключено! Обмен будет производиться через входную калитку. Во двор будут пропускаться только известные своей интеллигентностью и чистоплюйством граждане...

– То есть никто, – тяжело вздохнув, скорбно подытожил Семиржанский. – Придется, значит, самым туда-сюда с книгами бегать...

– Кидайте их в окошко, – нашла выход Марья Федоровна. – А я пока пойду ямку быстренько выкопаю.

– Зачем ямку? – почувал недоброе учитель. – Ямка им без надобности. Достаточно газеток постелить... Да и кидать их нельзя, переплеты повредятся, кто их тогда на обмен возьмет...

– Жалко? Тогда таскай на своем горбу...

Однако горб Семиржанского (которого у него, впрочем, и не было) не понадобился: армейская смекалка Елпидова выручила. Впавшие в немилость книги решено было спускать по наклонной доске, прислоненной снаружи дома к растворенному окну в комнате Ильи Алексеевича.

Книги облегченно вздохнули: судя по всему, аутодафе отменялось. Затем вновь впали в тревогу и смятение, ибо кто знает, кому они в результате неотвратимого, как фатум, обмена достанутся, и как с ними будет обращаться новый хозяин. Ограничиться ли он ехидными заметками на полях, вызванными не столько их содержанием, сколько избытком желчи и сомнения в читателе, или же, отдавая дань своей неряшливой привычке читать за едой, покроет

их страницы следами чревоугодия: брызгами щей, каплями сметаны и жирными отпечатками пальцев, тесно общавшихся с жареной курицей... Подавляющая часть библиотеки была уверена, что ничего хорошего их не ждет, ибо никто не будет к ним так внимателен и так бережен с ними, как их нынешний, то есть прежний хозяин. И лишь небольшая группа, сплошь состоящая из отщепенек, относящих себя к классической литературе, приветствовала перемену своей участи, так как надеялась, что хуже того пренебрежения, в коем они с некоторых пор оказались, нет и быть не может. И их можно было понять. Действительно, каково быть книгой, чье содержание вроде бы всем известно, но – понаслышке, изобилующей неточностями и прямыми искажениями; чьи строки не изведали экстаза сосредоточенного чтения? Каково, наконец, изо дня в день подвергаться со стороны своих, до ужаса примитивных по развлекательности содержания, товаров постоянным насмешкам, прослыть в их легкомысленных кругах суммой словесных приемов, никого не волнующих и никому не нужных? Неудивительно, что эти отщепенки мечтали о пыльных полках публичных библиотек, где царит свобода, равенство и братство всеобщей заброшенности, как иные верующие о Царствии Небесном.

Между тем подполковник Елпидов, будучи человеком организованным, военно-эстетическим, сам времени даром не терял и другим не позволял.

– Аркадий Иванович, – обратился он к учителю географии тем властным командирским тоном, в котором чуткое солдатское ухо без труда различает трибунальные кары за одну только шалую мысль о непослушании, – необходимо срочно выявить в общей массе собрания сочинений в двух и более томах. Займитесь этим.

Однако учитель Семиржанский, как человек по природе штатски-элегический, ничего, кроме достойного сожаления солдафонства, не различил и повел себя совершенно неадекватно создавшейся в сознании Елпидова ситуации. А именно: рассеяно пробежался глазами по полкам и лирически заметил, что видит тут не только чтиво, но и настоящую литературу.

– Это, если не ошибаюсь, «Женщина в белом» Уилки Коллинза. Такое сжигать – преступление...

– Но и оставлять нельзя, – немедленно возразил подполковник, стараясь скрасить резкость тона вескостью содержания. – Сколько ни восхищайся этой психологической скукотической, но в ней имеются в наличии и преступление, и расследование, и прочие родовые признаки детективного жанра. Было бы справедливо и поучительно обменять это творение Коллинза на шедевр его большого друга...

– Вы имеете в виду «Эдвина Друда»? – позволил себе тонкую колкость Семиржанский.

– Когда я говорю о Диккенсе, и при этом употребляю слово «шедевр», я могу иметь в виду только «Пиквикский клуб», – назидательно изрек подполковник.

– Но позвольте, а как же «Дэвид Коперфильд», «Оливер Твист», «Холодный Дом», «Большие надежды», наконец?

– Вы еще «Лавкой древностей» меня попрекните, слезливой Нелькой ужальте, – не сдержал злой насмешки Елпидов. – Говорят, после выхода в свет этого мармеладного романчика, уровень воды в Атлантическом океане значительно повысился от слез его сентиментальных читателей по обе стороны Атлантики...

– К вашему сведению, Владимир Антонович, – решил на ответный выпад учитель, – этот роман, как почти все прочие романы Диккенса, публиковался сначала отдельными главами в журнале...

– Для повышения уровня воды в океане совершенно безразлично, закапают его слезами постепенно или зальют залпом. Вам, Аркадий Иванович, как учителю географии, следовало бы это знать.

– Мне?! – у Семиржанского чуть дух не перехватило от такой провокационной беспардонности (или беспардонной провокационности – это уж пусть читатель сам решает), что, естественно, помешало ему тут же, не сходя с места, соорудить достойную отповедь. Впрочем, если

бы и соорудил немедленно, высказаться вряд ли получилось бы. В окно просунулась голова Марьи Федоровны и со свойственной ей учтивостью поинтересовалась, долго ли они намереваются тянуть кота за хвост. Народ, того и гляди, попрет шило на мыло менять, а у нее во дворе ни одной паршивой книжонки, одни вонючие газеты, которые она, согласно указанию, расстелила не только под окном, но и по всему периметру. Так что в случае чего этих негодниц можно и с горки спускать, и по воздуху транспортировать: трава под газетками мягкая, ничего их переплетам не сделается...

– А ямку выкопали? – упреждая извинения и оправдания Семиржанского, перешел в контратаку подполковник.

– Ямку? – радостно удивилась тетка нашего отставника и, стараясь не встречаться с учителем взглядом, горячо заверила, что ямку она мигом, зараз и в один момент.

Последние слова донеслись до слуха проверочной комиссии уже из глубин двора. Елпидов твердо взглянул в глаза горько недоумевающего Семиржанского и, озорно подмигнув, примирительно пробормотал, что иметь под рукой окоп никогда нелишне, а личный состав, во избежание падения дисциплины, должен быть всегда чем-нибудь занят. После чего решительно увел разговор в сторону, непринужденно заметив:

– Кстати, Аркадий Иванович, вы обратили внимание, что все детективы нашего бедного друга повествуют только о частных сыщиках?

Семиржанский, к своему стыду, внимания на это обстоятельство не обратил, а признаваться в этом, тем более Елпидову и тем паче в данной ситуации, ни за что не желал. Поэтому ему ничего не оставалось, как воззриться на полки и попытаться найти неоспоримые факты, опровергающие замечание подполковника. И – о чудо! – нужные факты немедленно обнаружались в виде шести томов популярнейшего детективщика.

– Ошибаетесь, Владимир Антонович, – стараясь скрыть злорадство небрежностью тона и не преуспевая в этом намерении, молвил Семиржанский. – Вон шесть томов Сименона о полицейском комиссаре Мегрэ...

– Да хоть десять, – пожал плечами Елпидов. – По всем своим повадкам комиссар Мегрэ настоящий частный сыщик.

– Извините, Владимир Антонович, но частные сыщики не устраивают подозреваемым пытку бессонницей, чтобы «расколоть» их на собственноручное признание, как это делает комиссар Мегрэ в том же «Мегрэ и бродяге», например. Так что разрешите не согласиться с вами: библиотека нашего друга не только о частных детективах... – Учитель умолк как бы на полуслове и победно взглянул на подполковника. Однако капитуляции – ни полной и безоговорочной, ни частичной и почетной – не последовало. Напротив, враг не только не сдавался, но еще и опасно контратаковал.

– Вас послушать, так Сименона от Макбейна не отличить. Вся разница, что один пишет об американской полиции, а другой – о французской.

– Я этого не говорил! – запротестовал Семиржанский. – Вы передергиваете!..

– Готова ямка! – доложила голова Марьи Федоровны, проникая в комнату через окно.

Комиссия, моментально вспомнив, что со времен последнего визита этой головы дело ни на шаг не продвинулось, искренне заторопилась. Семиржанский машинально вскочил на стул, Елпидов автоматом скомандовал: «Начнем с крайней верхней полки слева».

– С.С. Ван Дайн. Злой гений Нью-Йорка, – доложил учитель географии, вытаскивая из середины указанной полки аляповатое изделие в твердом переплете и протягивая его подполковнику. Подполковник, услышав имя автора, резко отдернул готовую принять изделие руку. Злой гений Нью-Йорка шлепнулся на пол. Марья Федоровна одобрительно крикнула. Потрясенный Аркадий Иванович в немом изумлении уставился на насупившегося Владимира Антоновича.

– Так не пойдет, – заявил Елпидов строго, не чуждаясь здоровой категоричности. – Во всем нужна система и порядок. Если сказано было начинать с крайней верхней левой полки, то значит и вытаскивать первой надо было крайнюю слева книгу, а не тащить из середины какого-то там Ван Дайна, годного только для мусоропровода...

– Каковой здесь, к счастью, отсутствует, – напомнил Семиржанский, слезая со стула с явным намерением поднять и водворить злого гения Нью-Йорка на прежнее место.

– Отставить! – скомандовал Елпидов и, опередив учителя, подхватил книгу и передал через окно Марье Федоровне.

– В ямку? – сообразила тетка нашего отставника.

– В нее, – лаконично кивнул подполковник.

– Как! – задыхаясь от возмущения, вскричал учитель. – И вы, подполковник, туда же: в средневековье, в невежество, в аутодафе...

– Аутодафе – всего лишь акт веры, – назидательно изрек Елпидов. – В данном конкретном случае следует говорить скорее об акте недоверия. Глубоко убежден, что не сжечь этого основоположника вандайщины, и значит впасть в упомянутые вами невежество и средневековье...

– Вандайщины? – удивленным эхом отозвался Семиржанский.

– Именно! Вандайщина – это псеводетективные романы, отличающиеся самой вызывающей неубедительностью преступлений, манерной глупостью расследований и жеманной надуманностью персонажей. Они не просто пошлы, они идейно пошлы, поскольку считают себя ортодоксальными. Подумать только, и этот горе-автор (горе – потому что делает из своих читателей сущих горемык) еще и посмел разразиться скудоумнейшими «Двадцатью правилами для пишущих детективы»! Беспремерная наглость, на которую способный только безнадежные бездари; гению такого и в голову бы не пришло...

Тут подполковник, прервав свое негодование, весело заржал, чем привел учителя в еще большее смятение: стул под ним покачнулся.

– Эти двадцать правил от Ван Дайка напоминают мне роддом имени Крупской в одной из наших бывших южных столиц, где мне довелось проходить службу...

– Роддом имени Крупской? – пробормотал учитель, пытаясь обрести равновесие.

– Ну да, роддом имени Крупской, женский монастырь имени Екатерины Второй, глазная больница имени Кутузова, – продолжал веселиться Елпидов.

– Тогда уж лучше – Гомера, – молвил учитель.

– Что – Гомера? – не понял подполковник.

– Глазная больница имени Гомера, – буркнул Семиржанский.

– Или школа частных детективов имения Фило Ванса, – съязвил на всякий случай Елпидов.

– Почему бы и нет, – пожал плечами учитель.

– Да потому, Аркадий Иванович, что он не сыщик, а лжесыщик! Гнусный любитель лезть в чужие дела, которых заклеил в своей прославленной статье об упадке детектива знаменитый Сомерсет Моэм. Он манерен, жеманен и склонен бросаться словами, приличествующими скорее старым клушам, чем мужам, подвигающимся в сыском деле. Не хочу показаться вам голословным... – Елпидов обернулся к окну, явно намереваясь попросить «Злого гения» у Марьи Федоровны обратно, – найти и процитировать из него нечто столь убедительное, чтобы даже такому мягкотелому гуманисту, как Семиржанский, стало ясно: не всякий детективный роман достоин обмена, некоторые из них достойны костра. Но Марьи Федоровны давно и след простыл. Не такая она была дура, стоять и дожидаться после приказания «в ямку» его возможной отмены.

– Ну да Бог с ним, – махнул рукой Елпидов. – Слишком много чести для этого лепилы – цитировать его по памяти. Скажу кратко и обобщенно: что бы ни нес в своем тексте вандайщик,

как бы ни изгалялся над чувством меры, такта и вкуса, твердит он, в сущности, одно и то же: «Я – дурак, и насколько это в моих силах, намереваюсь пребывать в этом качестве и впредь. Как и ты, мой верный читатель!»

– Конец цитаты, – вздохнул Семиржанский с такой мрачной торжественностью, как если бы возгласил с амвона «аминь».

ГЛАВА VIII

о том, чем завершилась ревизия библиотеки нашего героя

– О нашем обмене уже по радио сообщили! – донесся из коридора радостный вопль племянницы.

– Адрес не перепутали? – бдитительно отозвался подполковник.

– Адрес? – наморщила лобик девушка, показываясь в дверном проеме. – Ой, не обратила внимания...

– Свяжитесь и проверьте, – последовал приказ.

– Опять к соседке бежать? – не скрала своего недовольства Юлия.

– Даже таким красивым ножкам, как ваши, Юленька, требуется тренировка, дабы не закоснеть в целлюлите. Так что пользуйтесь случаем, бегите...

Польщенная девушка скрылась с глаз. Семиржанский, не желая дожидаться соответствующей команды, вытащил из крайней верхней полки первую слева книгу и рассмеялся.

– Неужто дамский роман обнаружили, Аркадий Иванович?

– Хуже, Владимир Антонович, – расплылся в лукавой улыбке учитель географии. – Сборник рассказов Эдгара По. Никогда бы не подумал, что Илья Алексеевич такой приверженец хронологии. Думаю, тут не обошлось без вашего вмешательства, подполковник...

– Благотворного влияния – вы хотели сказать? Что мне нравится в нашем друге, так это то, что все хорошее он старается перенять. Увидел однажды в каком порядке расставлены у меня книги, и у себя завел такой же...

Это был явный намек на хаос, царящий на книжных полках Семиржанского, где современные детективы соседствовали с античными авторами, а священные писания мирно уживались с эротическими романами.

– Я смеялся не над хронологическим порядком (хотя считаю, что алфавитный здесь более уместен), а над тем, что не изобрети Эдгар По детективного жанра, о нем давно бы забыли...

– О нем и так мало кто помнит. Большинство потребителей детективного чтения уверено, что детективы изобрел Шерлок Холмс в творческом содружестве с доктором Уотсоном... Заметьте, кстати, что первый в мире детективный рассказ повествует именно о частном сыске, а не о полицейском. Полиции с самого начала была отведена роль неуклюжей и крайне недалекой организации...

– Нелепо было бы ожидать от По – парии, одиночки, человека отнюдь не добродетельных нравов – сочинения процедурного полицейского романа, – с видимым удовольствием пустился в длинные рассуждения Семиржанский. – По преклонялся перед возможностями ума, а не кулака, не огнестрельного оружия и не правоохранительных органов. Он был уверен, что, – тут Семиржанский открыл книгу, нашел нужную страницу, привел выдержку («дар анализа служит источником живейшего наслаждения»), объяснил ее значение и пришел, наконец, к тому, ради чего все и затеял: – Исходя из приведенной цитаты отца-основателя детективного жанра, мы можем заключить, что частный сыск возник из гедонистических побуждений умов, наделенных аналитическими талантами.

– В литературе или в жизни? – кратко и по существу осведомился подполковник Елпидов, проявивший в течение последних пяти минут удивительную выдержку, ни разу не перебив

явно увлекшегося возможностями своего ума учителя Семиржанского, и теперь, естественно, ожидавший достойной награды за свой подвиг.

– Я одно от другого не отличаю! – заявил Семиржанский таким торжественным тоном, каким принято провозглашать свое кредо.

– Зря. Рискуете застрять в дефинициях. Потому что в литературе детективный жанр является прямым наследником плутовского романа, как плутовской роман, в свой черед – потомком милетских побасенок. Что же касается жизни, то частный сыск возник в результате отмены пыток при дознании. Пока ради установления уголовной истины допускались пытки подозреваемых, никакой надобности в частном сыске не ощущалось...

– Замечательное было время, не правда ли, Владимир Антонович? – не удержался от соблазна сердито и дешево связвить учитель Семиржанский. – Чуть кого заподозрил в чем-нибудь криминальном, хват за шкурку и на дыбу: а ну признавайся, тать, в чем был и не был виноват! Полное и окончательное торжество справедливости...

– Справедливость торжествует редко, – строго заметил Елпидов. – В основном торжествует случай. Тем и привлекательны детективы, что в них случай поставлен на службу справедливости. А уж ради ее торжества можно пожертвовать чем угодно: профессионализмом героя-сыщика, хорошим слогом, правдоподобием обстоятельств, географией, наконец!..

– При чем тут география? – вскинулся Семиржанский.

– При том, что не следовало этому вашему По менять Нью-Йорк на Париж, а американок на француженок. Это американки могли оставить ночью окно открытым для того, чтобы орангутанг имел возможность к ним забраться. А француженки никогда бы этого не сделали, ведь через открытое окно мог проникнуть вредоносный ночной воздух...

Семиржанский задумался, все больше и больше хмурясь по мере углубления в мысль. Наконец решил:

– Ну и дуры ваши француженки!

– Согласен, дуры, – живо откликнулся подполковник. – Но кем же в таком случае выглядит их автор, этот яркий поклонник возможностей ума?

– И на Солнце есть пятна, – ухватился Семиржанский за соломинку.

– Но в отличие от некоторых других светил, например, детективного жанра, наше солнышко сплошь из пятен не состоит, – возразил Елпидов и победно огляделся: триумфу нужны свидетели.

– То есть вы хотите сказать, что Эдгар Алан По бездарность?! – ужаснулся учитель.

– Не обобщайте, Аркадий Иванович. Мы говорим об отце-основателе детектива, а не об авторе «Ворона», «Падения дома Ашероу», «Низвержения в Мальстрим» и других шедеврах романтизма. А как основатель детективного жанра Эдгар По далеко небезупречен. Ведь он, по существу, дал не только каноны-штампы для своих последователей, но даже «сакраментальными» фразами их снабдил. Все эти «ничего существенного больше установить не удалось», «В Париже не помнят убийства, совершенного при столь туманных и во всех отношениях загадочных обстоятельствах», «Полиция сбита с толку. Ни малейшей путеводной нити, ни намек на возможную разгадку» и прочие подобные клише кочуют из детектива в детектив, но от повторения лучше не становятся, остаются тем же, чем и были с самого начала: условиями игры незамысловатой шарады или, если точнее и современнее – сканвордика... Что такое Шерлок Холмс со своей скрипкой и кокаином, как не тот же Огюст Дюпон с его обожанием ночи и эстетским затворничеством? То же можно сказать и относительно кавалерийских усов и кабачковой агрономии Эркюля Пуаро, и об орхидеях и чревоугодии Ниро Вульфа...

– Рекс Стаут не эпигон! – горячо возразил учитель, всем своим тоном и упрямым наклоном головы давая понять, что уж кого-кого, но этого автора он подполковнику на поругание и погибель не отдаст.

– Но и не детективщик, – не менее убежденно стоял на своем Елпидов. – У Стаута достало ума не заострять внимания читателей на детективных историях, которыми он, в силу традиции, вынужден снабжать свои тексты. Главное в его эпосе о Вульфе и Гудвине – это взаимоотношения между этими двумя героями: европейцем и американцем. По сути, он излагает историю любви и дружбы двух сильных, умных, независимых и не склонных к компромиссу мужчин...

– Любви? – высунулась из коридора племянница.

– Вы уже вернулись, Юленька? Как насчет адреса, они там ничего не перепутали?

– У них все время занято, Владимир Антонович. Я попозже еще раз сбегая... А эти двое, Ниро Вульф и Арчи Гудвин, они что, голубые?

– Любовь, которую имеет в виду Владимир Антонович, это не эрос, Юлия, но агапе, – если это вам о чем-нибудь говорит, – проявил снисходительность с двойной высоты своего положения учитель Семиржанский.

– Агапе? – разочарованно повторила девушка заумное слово и, не скрывая сомнений, пообещала справиться о его точном значении в словаре. И побежала исполнять обещанное...

– Кажется, над нами, Аркадий Иванович, знатно приколынулись, – задумчиво проговорил подполковник.

– Кто? Когда? – не понял Семиржанский.

– Поколение next. Только что...

– Следующую! – потребовала Марья Федоровна, появляясь в оконном проеме – вся такая оживленная, с покрасневшими от дыма глазами, с перепачканною золою лицом, в сбившейся набок косынке.

– Вот вам еще одна невинная жертва! Сожгите и ее! – с невыразимой горечью в голосе и непередаваемой скорбью во взгляде изрек Семиржанский, протягивая томик отца-основателя детективного жанра в сторону окна. Однако со стула не спустился, как бы ожидая, что Марья Федоровна ради такой добычи сама, не мешкая, перемахнет через подоконник, вспрыгнет к нему на стул, и, вырвав из рук сборник, скроется с ним в направлении своего частного Освенцима. И надо признаться, тетка нашего отставника так бы примерно и поступила, если б не подполковник.

– Эта книга, Марья Федоровна, не для ямки. Правда, оставлять ее в доме тоже нельзя. Предлагаю обменять ее на «Голем» Майринка, либо на «Степного волка» Германа Гессе...

– Жида на нехристя, а нехристя обратно на жида? – возмутилась Марья Федоровна. – Не будет на то моего благословения!

Елпидов, явно не ожидавший от хозяйки столь резкого отпора, несколько растерялся, не зная, то ли обратить все в шутку, то ли гордо удалиться, лишив этих несчастных своей почти что родительской опеки и, без малого, вельможного покровительства. И тут на помощь подполковнику, не помня зла, пришел Семиржанский, полюбопытствовав, как уважаемая Марья Федоровна смотрит на то, чтобы обменять нехристя на православнейшего Лескова, а именно на его «Запечатленного ангела». На ангела Марья Федоровна свое благословение дала, хотя и не сразу: минут пять пыталась гостей насчет точного значения слова «запечатленный», и лишь, когда убедилась, что ничего обидного для вестника Божия в этом слове не содержится, вздохнув, согласилась, кротко заметив при этом, что нехристя щадит единственно из уважения к их учености, а не то бы... И, кинув прощально-плотоядный взгляд на томик чудом спасшегося Э. А. По, потребовала немедленно кого-нибудь на расправу, потому как не все же нехристи обмена достойны, наверняка есть среди их братии такие, которых на обмен никак нельзя, ибо Бог эдакого попустительства заразе не простит, припомнит...

Уязвленный собственной минутной растерянностью подполковник скромно заметил, что он – де всего-навсего солдафон в отставке, и не ему, дескать, решать, какие книги хороши для обмена, а какие плохи даже для костра, – тем более в присутствии такого светоча просвещенности и гуманизма, как товарищ Семиржанский А.И., на что последний, даже не поблагодарив,

рив за комплимент, немедленно разразился еще одной формулой своей веры, почерпнутой им, если верить ему на слово, из писаний Плиния-Старшего. Формула звучала так:

– Нет плохих книг, есть нерадивые читатели!

– Или слишком ретивые, что в принципе одно и то же, – не удержался не вставить своего *bon mot*¹, зачастую не отличимого от *mot cruel*², подполковник Елпидов.

Реакция Марьи Федоровны на формулу оказалась моментальной: мигом перемахнув через подоконник в комнату, грозно потребовала указать на какой из полок этот Плювий обретается. Семиржанский смешался, что позволило Елпидову вернуть должок, воздав за добро сторицей:

– Если мне не изменяет память, Плювий этот обретается у Аркадия Иваныча дома, на самодельных полках мансарды, обок с Эрлом Стэнли Гарднером с одной стороны и Справочником Розенталя – с другой. Ну да не в Плювии дело, что в старом, что в малом, потому что ничего такого они, конечно, сказать не могли, несмотря на то, что книги в их времена были большой редкостью, а детективов и вовсе не существовало. А если бы они тогда существовали, то оба Плиния, не сговариваясь, сказали бы примерно следующее: «Празднование хорошего дурака – это то, чем занимаются читатели детективов». Конец цитаты...

– Это клевета! – вскричал учитель географии. – Плинии никогда бы не позволили себе таких уничижительных обобщений!

– Если б спознались с таким злом, как детективы, то непременно позволили бы, – стоял на своем подполковник.

– И это говорите мне вы, Владимир Антонович? – спросил в изумлении Семиржанский. – Вы, который не далее, как три дня тому назад, доказывали нам с Ильей Алексеевичем, что в борьбе со злом царит великая путаница, потому что зло должно быть наказано, а вовсе не уничтожено, поскольку добро без зла ничего не стоит...

– Это не я говорил, а ваш любимый Анатолий Франс. Я же полагаю, что из двух зол следует выбирать меньшее, а большее ликвидировать. В данном конкретном случае это означает, что По может быть обменян на достойного автора, тогда как Ван Дайн и иже с ним пощады не достойны, а значит, подлежат уничтожению...

– Да, – горестно кивнул головой Семиржанский, – вы сожгли его и тем самым не уменьшили, но умножили зло...

– Как не уменьшили? – удивилась Марья Федоровна. – Как – умножили зло? Мы добро, добро преумножили! Вон, сходи к ямке и погляди, сколько из этого мерзопакостника удобрений минеральных получилось!..

– И устами стариц, а не только младенцев, глаголет истина! – возгласил Елпидов, назидательно потрясая указующим перстом.

Семиржанский в ответ истерически хихикнул и, скользнув по ближайшей полке безумным взглядом, вдруг выхватил какую-то книгу и протянул хозяйке, говоря:

– Вот вам, Марья Федоровна, еще один недостойный для ваших удобрений. Мало того, что сам заядлый детективщик и верующий католик, следовательно, противник православия, так у него еще и сыщиком не кто иной, как католический поп – тот еще охмуритель. Наверняка без его пагубного влияния на Илью Алексеевича не обошлось...

– Зомбирующее очарование апокрифического священника Брауна! В самую точку, Аркадий Иваныч! – вскричал осененный какой-то пронизательной мыслью подполковник. Но, заметив, как опасно отодвинулась от него хозяйка, слегка охолонулся и продолжил тоном более ровным и, к огорчению Семиржанского, более веским:

– Смею утверждать, что подобная аура присуща многим знаменитым сыщикам, иначе их расследования не пользовались бы успехом у публики. Тот же Эркюль Пуаро, не обладая он даром внушения, вряд ли смог бы убедить весь Восточный Экспресс в том, что случайная смерть одного из пассажиров была заранее спланированной акцией отмщения целой кучи

разношерстного народа. Что касается Шерлока Холмса, то ему в какой-то мере было легче, поскольку достаточно было влиять всего на одного человека, к тому же прекрасно ему известного, чтобы на бумаге получалось все так, как вне ее обычно ни у кого не получается. Впрочем, есть у меня подозрение, что с Холмсом все обстояло еще проще, почти божественно: люди, которым этот сыщик, пользуясь своим методом, приписывал всякого рода несурзности, подтверждали его правоту просто по доброте своей сердечной. Им это ничего не стоило, а Холмсу – приятно. Зачем же перечить и доказывать обратное, когда можно, не напрягаясь, разрешить всё ко всеобщему удовольствию: и героя, и автора, и издателя, и читающей публики! Что вы такое затеяли, Аркадий Иванович?

То, что затеял Аркадий Иванович, вряд ли нуждалось в объяснении – только в описании. Описываю. Аркадий Иванович, мигом догадавшись, чем грозит красноречие подполковника обожаемому им Шерлоку Холмсу, принялся споро избавлять полки от книг сэра Артура Конан Дойла, укладывать их штабелем на столе и пытаться уподобить аккуратной связке с помощью ремня с собственных брюк и найденного на том же столе сантиметра. При этом он, то ли чтобы усыпить бдительность хозяйки, то ли чтобы отвлечь подполковника от сути происходящего, громко и довольно связно ворчал, бормотал и даже бредил все на ту же тему примерно следующее:

– ...Я понимаю, я не спорю, что слухи об «изысканной» логике расследования, якобы присущей романам Агаты Кристи, несколько преувеличены. Я даже не стану подвергать беспощадному анализу печально знаменитый «Восточный Экспресс», где автор громоздит одну «подставу» на другую, чтобы в конце концов подчинить весь сонм персонажей гипнотическим чарам Пуаро (как справедливо заметил подполковник), доказывающему, как дважды два, что читатель остался в дураках. Я даже не буду брать в качестве образчика менее знаменитый и более показательный для «изысканной логики» этого автора роман «13 сотрапезников», где вся интрига построена на святом (читай упрямом) нежелании американки нумеровать страницы своих пространных писем, что позволяет злоумышленникам изъять разоблачающую их страницу, причем без всякого ущерба для смысла и связности сей эпистолы... Если высокий суд решил, что Агата Кристи достойна костра, значит, так тому и быть. Пускай горит синим пламенем вместе со своим тыквоголовым усачом и божьим одуванчиком по имени мисс Марпл, которую американские телевизионщики так удачно изобразили в виде мегеры с лягушачьей улыбкой и круглыми немигающими глазами удава. Да будет им марьфедоровнина ямка пухом, канопой и небесами!... Более того, я даже Честертон не стану защищать, хотя для него детектив – всего лишь повод высказать несколько заветных мыслей, тонких наблюдений, спорных идей, парадоксальных догадок... В конце концов, отличие таких авторов, как Честертон, и таких героев-сыщиков, как патер Браун, в том и состоит, что они подвигают читателя не просто пожирать глазами более или менее занимательный текст на уровне первой, изредка – второй сигнальной системы, но будят мысль и взыскуют воображения, ибо не соглашаться с ними можно только на интеллектуальном уровне, утробное отрицание тут бессильно...

– Ну спасибочки, Аркадий Иванович, – оскорбился Елпидов. – Значит, я утробно отрицаю на уровне первой, дай Бог, второй сигнальной системы?

Но Семиржанский то ли сделал вид, то ли действительно не слышал подполковника, поглощенный своими горестями, своими жалкими попытками оправдаться пусть в частичном, но все же предательстве:

– Если даже такой безусловный талант, как Честертон, не в состоянии защитить себя и своего героя сам, то я тут бессилен, и утешает меня лишь одно: эпопеей о патере Брауне Честертон не исчерпывается; есть еще «Человек, который был Четвергом», «Перелетный кабак», «Возвращение Дон Кихота», «Охотничьи рассказы»... А что останется от Конан Дойла, если эти варвары уничтожат «холмсиану», объявив ее гнилым плодом «вандайщины»? Конечно, «Белая стрела». Разумеется, «Бригадир Жеррар». Несомненно, «Затерянный мир», «Ядовитый

пояс»... Но для создателя Шерлока Холмса это слишком мало! Да и что останется от мира, в котором нет Холмса, нет Гамлета, нет Дон Кихота, нет Христа?.. Увы, Конан Дойл Шерлока Холмса защитить не может, он сам не раз покушался на его жизнь. Значит, придется это сделать мне...

И, преисполненный решимости, Семиржанский, у которого никак не получалось увязать несколько томов «холмсианы» в крепкий штабелек, вдруг сдернув с пустующей кровати Ильи Алексеевича покрывало, расстелил его одним ловким движением на полу и со словами «Пардон, Марья Федоровна, с меня два таких же, но шелковых», принялся бережно переносить спасаемые книги со стола на покрывало.

– Зря вы так, Аркадий Иванович, – сжалился Елпидов над Семиржанским. – Я никогда не говорил, что отношу Конан Дойла к вандайщикам, и, разумеется, не собираюсь отправлять его в ямку. Напротив, я предполагал обменять его «холмсиану» на что-нибудь действительно необходимое каждому культурному человеку, например, на... – Подполковник намеревался назвать несколько громких литературных имен, не нуждающихся в представлении (таких, как, допустим, Марсель Пруст, Томас Манн или Ульям Фолкнер), но, вовремя покосившись на тетку нашего отставника, почел за лучшее не искушать судьбу нерусскими фамилиями и поспешно заменил их пусть и менее громкими, но куда более приемлемыми на слух именами: Константин Федин, Михаил Шолохов, Леонид Леонов...

Семиржанский скептически фыркнул. Для него, прекрасно осведомленного о литературных пристрастиях подполковника, приведенные имена кандидатов на равноценный обмен красноречиво свидетельствовали о неискренности Елпидова. При этом Аркадий Иванович, конечно же, понимал, из каких побуждений или, точнее выражаясь, по чьей милости вынужден был Елпидов покривить душой (сам-то учитель ожидал услышать имена авторов более выдержанных времен, овеванных многовековой прочной славой: Боккаччо, Рабле, Сервантес, Гриммельсхаузен (К слову сказать, если бы у Аркадия Ивановича вдруг случилось повреждение рассудка, и он бы решил, что Конан Дойл может быть равноценно обменян, то его список авторов выглядел бы иначе, возвышеннее: Иоганн Шиллер, Виктор Гюго, Ромэн Роллан...)), но тот факт, что Елпидов перечислил авторов, совершенно им не уважаемых, даже третируемых при каждом удобном случае («Ах, эта неслыханная новизна и образность черного солнца Гришки Мелихова! Слово не было до него ни Бодлера с его «соленой пеной нег двух черных солнц», ни Мандельштама, свидетельствовавшего, что он «проснулся в колыбели, черным солнцем осиян»»), побудил учителя усомниться в добрых намерениях подполковника относительно Конан Дойла.

– Это вы только так говорите, Владимир Антонович, что будто бы Конан Дойл не вандайщик, неизвестно в каких целях, то есть очень даже известно в каких, желая ввести меня в заблуждение... Думаете я не помню, как вы на прошлой неделе в присутствии Ильи Алексеевича буквально измывались и над «Подрядчиком из Норвуда», и над «Человеком с рассеченной губой» и даже, страшно сказать, над самой «Собакой Баскервиллей»!³

– Ну, положим, над собакой-то я как раз не измывался, – возразил Елпидов. – Напротив, мне всегда больше всех было жаль в этой повести именно собаку. Сначала из нее сделали товар, потом превратили в монстра, а напоследок безжалостно застрелили. Бедная псина! Хотя если бы в реальности ей вымазали морду той гадостью, какую ее вымазал Конан Дойл в своем произведении, она бы издохла значительно раньше, причем, в страшных мучениях...

– Вот! Вот! – вострепетал Семиржанский. – Вы и сейчас продолжаете измываться над беззащитным автором! И вы хотите, чтобы я поверил, что Конан Дойл не вандайщик?! Никогда!..

– А и то, Владим Антоныч, – дрогнуло женское сердце тетки нашего отставника, – ты душу-то не томи, скажи сразу, кто тут эти самые, которые с вандайщины?

Елпидов взглянул на Марью Федоровну и, встретив ее честный, взыскующий простоты и справедливости, взгляд, перевел очи на Семиржанского. Однако там он обнаружил нечто настолько умильно-неописуемое, что вынужден был зажмуриться и прикусить язык от греха подальше. Наконец он открыл глаза, уставился на полки, вгляделся, осмыслил, придал своему лицу решительно-робеспьеровское выражение и глубоким, отдающим сталью голосом начал перечислять:

– Габорио, Гастон Леру, Леблан, Джозеф Уоллес, Эллери Куин, Джон Диксон Карр, Барнаби Росс, Сидни Шелдон... Что с вами, Аркадий Иванович?

Учитель, который тем временем прилагал лихорадочные усилия для спасения авторов, которых считал достойными спасения, складывая их произведения обок с «холмсианой», вдруг зашелся в безудержном, но отнюдь не истеричном, а скорее издевательском смехе.

– Может, за валерьянкой сбегать? – сердобольно шепнула подполковнику хозяйка.

– Не надо за валерьянкой, Марья Федоровна – отказался от помощи Семиржанский. – Валерьянка тут не поможет... Вот, что я вам скажу, товарищ подполковник в отставке. Скажу и на этом поставлю точку в этой бесплоднейшей из дискуссий. Прежде чем судить кого-либо, надо хотя бы знать, кто он. Этого требует простая человеческая справедливость. Недаром любой суд начинается с того, что устанавливает личность подсудимого. Любой, но только не ваш, товарищ политрук... Вы осудили Эллери Куина, а вслед за ним Барнаби Росса, даже не зная, что это два псевдонима одних и тех же авторов, двух двоюродных братьев – Фредерика Даннэя и Манфреда Ли, – пишущих вместе...

– Вот горе-то великое! – хотел воскликнуть Елпидов. – Два бартца-засранца вместо двух злостных вандайщиков!

Но почему-то не воскликнул. Даже наоборот: обескуражено улыбнулся и простодушно признался, как бы удивляясь своей вопиющей неосведомленности и одновременно отдавая должное собственной читательской интуиции:

– Что, действительно один и тот же автор? То есть два одних и тех же? Надо же, а я-то все голову ломал: кого мне этот форменный осел Тэмм в «Последнем деле Дрюри Лейна» напоминает? А теперь, когда вы меня столь тактично просветили, вдруг сразу понял кого: да ведь этот псевдосыщик Тэмм вылитый папашка Эллери Куина – такой же безмозглый, припадочный и до колик балаганного смеха убедительный...

– Так кого ж из них в ямку-то? – застыла в нерешительности Марья Федоровна, успевшая своим дальнзорким оком высмотреть на полках обоих родственников: и Эллери Куина, и Барнаби Росса...

– Всех, – сказал Елпидов и стер с лица всякое подобие улыбки. – И Сидни Шилдона не забудьте прихватить. А если попадется вам на глаза какой-нибудь Майкл Утгер или, паче чаяния, Гарольд Роббинс, то и их не щадите. Все они, Марья Федоровна, как есть с валдайщины...

– Нехорошо маленьких обманывать, – высунулась из коридора племянница. – Эта ваша агапе, Аркадий Иванович, оказалась вовсе не такой любовью, какой могут мужчины могут любить друг друга, чтобы не сделаться голубыми... Ой, Аркадий Иванович, вы куда?

Но Аркадий Иванович не слушал уже никого. Набив до отказа покрывало книгами, и увязав его как можно туже, он взвалил образовавшийся узел – величиной с рюкзак усердного любителя дальних походов – на плечо, кое-как перебрался через подоконник во двор и, не попрощавшись, скрылся в направлении калитки.

– Ну и скатертью дорожка, – решила Марья Федоровна. – Без него быстрее справимся. А то слишком уж жалостливый: и того не тронь, и этого не замай, да еще и варварами обзывается... Так кого, Владим Антоныч, ты говорил, в ямку снести, Рубенса?

– Рембрандта, – буркнул поскучевший Елпидов и, усевшись на стул, на котором не так давно стоял Семиржанский, полез по карманам в поисках курева.

– У, нехристь! – приняла к сведению имя еще одного выходца с валдайщины Марья Федоровна и пошла шерстить глазами полки, выщепывая имена и псевдонимы претендентов: «Душила Хемёт... Дикий Френсис... Француз, значит... Рай... Рей... Рем... бренд Чандлер...»

– Ага, попался, злыдень! Нашла я, Владим Антоныч, Реймбрэнда этого...

– Бабушка, Владимир Антонович пошутил. Рембрандт – художник, а не детективщик, – явно страдая за бабушкино невежество, объяснила племянница. Но на Марью Федоровну это заявление впечатления не произвело.

– Все они художники. А как присмотришься, так сразу видать – с валдайщины...

– Вы бы, Юлия, вместо того, чтобы в коридоре торчать, лучше б бабушке помогли, – сказал Елпидов, так и не нашедший сигарет в своих карманах и от этого пришедший в еще более кислое расположение духа. – Поверьте, от вашего мистического трепета отдает обыкновенным жеманством...

Личико Юлии пошло красными пятнами. Глаза наполнились чистыми слезами незаслуженной обиды.

– Да если бы не я, Владимир Антонович... Если бы я свечку за вас не держала и наговор не наворожила, то вы бы все тут передрались и перессорились. Говорила же я, что в этой комнате нельзя посторонним долго находиться... Здесь только дядя Иле можно: и он с ними в ладу, и они с ним в согласии...

– Вот он ладом с ними в больнице и очутился, – усмехнулась лепету внучатой племянницы тетка нашего героя.

– И какой же наговор вы наворожили, если не секрет? – слегка оживился Елпидов.

– А смеяться не будете?

– Если не рассмешите, то не буду, слово офицера!

– И не обидитесь?

– Приложу все силы, Юленька...

– Да не слушай ты ее, Владим Антоныч, козу эту, – бросила Марья Федоровна, направляясь с очередной партией вандайщиков к окну. – Они ж теперь все на этих американских ведьмах с ума посходили, как Илюха на сыщиках... – И осеклась на полуслове, вдруг встав, как вкопанная и уронив с грохотом книги на пол. Затем, мелко крестясь, зачастила: свят-свят-свят...

Елпидов с племянницей обернулись на грохот и узрели... Нет, не чертей, не маньяков и не серийных убийц, а учителя Семиржанского все с тем же тугим узлом за спиной переваливающего со двора обратно в комнату. Но только когда он, наконец, оказался в комнате, выпрямился и огляделся, до них дошло – что так напугало Марью Федоровну в его облике. Ошалелые глаза, всклокоченная голова и совершенно бессмысленная улыбка.

– Вот, обменял, – прошептал учитель. – Только за околицу вышел – налетели, отняли, разобрали, напихали, на спину накинули и во двор обратно втокнули. И без новой партии детективов наказали не возвращаться. У, бандиты!..

Семиржанский хихикнул, скинул с плеча узел и широким жестом удачливого рыбака ссыпал весь улов на пол, нисколько не заботясь о сохранности переплетов. Одна из книг, удравшись о половицу торцом, выпрыгнула из общей массы и шлепнулась прямо перед Елпидовым.

– Константин Федин. Первые радости, – прочел про себя подполковник и зажмурился.

– Кола Брюньон, – сообщила, подняв одну из книжек, осмелевшая племянница.

– Это что еще за смерть в Венеции?! – обрела голос тетка нашего отставника. – Шило на мыло?

– Эй, хозяйка – послышался со двора малознакомый присутствующим голос. – Это я, Еремей Пантюхин. Меня Лексеич из больницы прислал. Велит, чтоб выдала ты мне детектив-

ные книжки какого-то Канона Дуля... Эй, есть тут кто? Хозяйка! Марья Федоровна, это я, Еремей...

И так далее.

ГЛАВА IX

рассказывающая о палате № 16, ее обитателях и царящих там порядках.

Тетка нашего отставника ничуть не преувеличила, поведав в предыдущей главе о чрезвычайной строгости нравов, практикуемых в городской больнице в отношении черепно-мозговых пациентов. Действительно, в 16-й палате, предназначенной волею медицинских властей для граждан с ушибленной верхней конечностью, отсутствовал не только его величество телевизор, но даже такая необходимая мелочь как радиосетевой бормотальник. Однако этими драконовскими мерами медики не ограничились. Обитателям 16-й палаты категорически запрещалось развлекать себя чтением газет, журналов и вообще любой периодики, включая кроссвордно-сканвордные издания, что, в общем-то, с одной стороны вызывало недоумение, если учитывать общепризнанное свойство кроссвордов разгонять мрачные мысли, делать незаметным лёт минут и преисполнять эго своих разгадывателей чувством глубокого удовлетворения от сознания собственной эрудированности. Зато с другой стороны, легко объяснялось стремлением эскулапов уберечь травмированные черепа пациентов от неимоверного напряжения, коим чреваты поиски ответов на такие заумные вопросы, как например, «темное время суток», «прыжки по клеткам по асфальту», «альтернатива ада», «безрогий участник корриды» и многие, многие другие, не менее головоломные...

Высокая литература также не была упущена из виду лечащими властями. До недавнего времени она даже поощрялась. Так больные, но излечимые, могли в волю читать и, до первых признаков интеллектуального изнеможения, перечитывать «Былины», наслаждаться «Илиадой», упиваться «Беовульфом», срывать цветы удовольствия с «Повести временных лет» и даже пытаться постичь ускользающий смысл «Бовы-королевича». И больные, надо признать, всю эту щедрой поблажкой пользовались, захлеб упиваясь шедеврами мировой литературы, пока однажды некий томимый черепно-мозговым недугом землемер, с виду увлеченно поглощавший «Порхающую ласточку» Цинь Чуня (что уже само по себе должно было вызвать подозрения, но почему-то не вызвало), вдруг не пришел в великую ажитацию и не принялся на чем свет стоит костерить Джеймса Хэдли Чейза как автора «Плохих вестей от куклы», в которых подлые гангстеры импортируют китайцев в США через страны Карибского бассейна, тогда как любому мало-мальски грамотному читателю известно, что Америку от Китая отделяет Тихий, а не Атлантический океан, в чью юрисдикцию и входит злосчастное Карибское море... И все бы ничего, и скандал, возможно, удалось бы замять, инцидент спустить на тормозах, бунт обезглавить и выдать за легкое недомогание энцефалопатированного интеллекта, не справившегося с национальными особенностями китайской классики, полной тонких намеков, решительных недомолвок и пространных умолчаний, если бы поблизости случилась медсестра с успокоительным укольчиком или хотя бы дежурный врач с увещательным молоточком. Но увы, ни того, ни другого поблизости не случилось (что позже стало предметом отдельного служебного разбирательства), а случился на общую беду пациент той же палаты некто Гульяев, который своими безрассудными репликами и завиральными идеями⁴ довел возмущенного землемера до буйного припадка с элементами исступления и признаками умопомешательства, каковые в конечном итоге и спровадили беднягу из палаты № 16 в палату № 6, что располагалась в отдельном флигеле во глубине больничного двора.

Разумеется, такое безобразие не могло не встревожить больничное начальство. Срочно назначенная комиссия в составе: заведующий отделением, ординатор, интерн, старшая медсестра, дюжий санитар – совершила несколько сенсационных открытий. Так Публий Ови-

дий Назон оказался автором не только знаменитых «Метаморфоз», но и нескольких криминально-орнитологических трактатов вроде «Дела о пеликанах», «Дела о хромой канарейке», «Мальтийского сокола» и «Шести дней Кондора». Великого Данте неудержимо влекло ко всяким таинственным емкостям и помещениям, в силу чего наименования его работ особой оригинальностью не отличались: «Тайна старой штольни», «Тайна закрытой комнаты», «Тайна голубого кувшина», «Тайна египетской гробницы» и т. п. Гениальный Гете и тут не изменил своей педантичной последовательности, плавно и безболезненно перейдя от изучения минералов к натурфилософскому осмыслению сущности драгоценных камней и металлов в жизни человеческих существ, о чем красноречиво свидетельствовало несколько занимательных повестей, пронизанных аттическим релятивизмом: «Голубой карбункул», «Берилловая диадема», «Камень Мазарини», «Кольцо Тота», «Сапфировый крест», наконец, «Золотой дублон Брошера»... Словом, удивлению следственной комиссии не было предела, так что отдельные ее члены то и дело порывались встать на уши, впасть в истерику и проклясть людскую неблагодарность, вкупе с ее же изворотливостью, на веки вечные. Однако настоящий, почти что клинический, шок вся комиссия в полном составе (включая санитаря, чьи литературные интересы далее просмотра телепрограммок не простирались) испытала тогда, когда в томике избранной прозы Александра Сергеевича Пушкина вдруг обнаружила произведения низкого галантерейно-шмоточного содержания⁵, чьи названия говорили сами за себя, не испытывая нужды в каких-либо комментариях: «Пестрая лента», «Костюм из газеты», «Загадка больничных туфель», «Черная кожанка», «Классный пуловер», «Отравленные подштанники»...

Оргвыводы лечащих властей оказались адекватными постигнутому их разочарованию. Никаких книг! Никакой литературы! Никакого самостоятельного чтения! Отныне и впредь учреждается единый для всех академический час художественной словесности, в течение которого черепно-мозговые пациенты с неослабевающим вниманием и возрастающим интересом выслушивают официально одобренные душеполезные произведения в исполнении дежурной медсестры. Уснувших не будить, возражающих укрощать противоспазматическими инъекциями.

Самым полезным для травмированных голов обитателей 16-й палаты медицинское начальство нашло сочинения М.М. Пришвина, которые и стали выдавать больным перед сном в научно отмерянных дозах: то есть сперва «Кладовая солнца», затем «Кощеева смерть», и в конце, в качестве предупреждающего рецидивы средства, – «Осударева дорога».

Нельзя сказать, чтобы эта «предтеча гринписизма» (как отозвался о Пришвине уже небезызвестный читателю Гулятьев) внесла успокоение в души черепно-мозговых постояльцев, примирила их с отсутствием прочей, опасной для здоровья литературы. Скорее наоборот: вызвала ропот недовольства, шепот негодования и робкое политическое брожение травмированных умов. Главному врачу было направлено официальное послание, в котором «общественность 16-й палаты» настоятельно просила, а по сути – требовала вернуть старые порядки, разрешить индивидуальное беззвучное чтение если не всей мировой классики, то хотя бы отечественной, и одновременно клялась оправдать высокое доверие властей и более никаких литературных сенсаций не учинять. Власти откликнулись на послание заведенным порядком: главврач с размашистой неразборчивостью начертил красным по белому «разобраться на месте» и отослал челобитную заведующему отделением Григорию Ивановичу Пократову. Григорий Иванович взял под козырек и разобрался.

Когда в предустановленный свыше академический час дежурная медсестра раскрыла книгу и начала читать, а черепно-мозговые приготовились со скукой слушать, как «Испуганная лосем, Настенька смотрела на змею», то не сразу сообразили, что в лечебно-литературной команде произошла замена: вместо вышедшего из игры М.М. Пришвина, № 99, в игру вступил Л.И. Брежнев, № 1.

«Дорогие товарищи! Сегодня трудящиеся Узбекистана и Коммунистическая партия Узбекистана отмечают свое славное 40-летие, свой знаменательный юбилей. Это большой и светлый день в жизни узбекского народа. Ваше торжество разделяют весь советский народ, вся наша страна...»

После того как пациенты 16-й палаты пришли в себя (правда, не все, иподиакон Атиков в себя приходиться не пожелал, ибо был по горло занят молитвой, отвращающей нечистую силу), то потребовали немедленно вина, дынь и урюков, дабы подобающим образом отметить славный юбилей братьев-узбеков. Иначе отказывались слушать, грозились затянуть всем обществом «Интернационал». А бузотер Гультияев, вконец распоясавшись, клятвенно пообещал расковырять себе рану, которой у него, впрочем, и не было, поскольку в больнице он очутился в результате закрытого черепно-мозгового повреждения, чреватого, как известно, тяжелыми психическими нарушениями. Напрасно дежурная медсестра пыталась успокоить больных, уверяя, что дальше будет еще интереснее – про выкорчевывание всех остатков колониального прошлого, ликвидацию феодально-байских отношений и освоение Голодной степи голодающим населением. Без вина, дынь и урюков слушать дальше не соглашались. А в качестве превентивной меры спели, пока, правда, в полголоса первый куплет «Интернационала». Вставай, дескать, травмой забубенный, весь сонм черепно-мозговых. Кипит-де их разум поврежденный, вот и не ладится, блин, стих...

Опыт – великая сила, иногда он способен заменить здравый смысл. В особенности там, где условия существования для последнего не слишком подходящи. Именно опыт подсказал медсестре нарушить инструкцию, согласно которой она в сложившейся ситуации обязана была прибегнуть к помощи противоспазматических инъекций. Пока укротишь одного, другие чего доброго перейдут непосредственно к припеву, который в силу его заразительности могут подхватить в соседней тазобедренной палате. А это уже массовые антиконституционные беспорядки... И медсестра, не мешкая далее, выбежала из палаты в коридор.

Осиротевшая палата приумолкла, переглянулась и попыталась обменяться мнениями.

– Это есть наш последний и решительный бой, – с несколько вопросительными интонациями то ли высказал, то ли предположил один из трех неупомянутых черепно-мозговых обитателей палаты по фамилии Фарафонов.

– Это еще не бой, это преамбула к нему, – отозвался другой, назвавшийся при выяснении своей личности, покрытой мраком амнезии, Кулуаровым.

– Не было бы хуже, – подал голос третий и последний из неупомянутых пациентов с труднопредставимой фамилией Лукоморьенко.

– Братия! – воззвал со своей койки иподиакон Атиков. – Смиритесь. Умерьте гордыни ваши, ибо...

– Никогда! – поспешил перебить служителя Божия Фарафонов, явно опасавшийся услышать нечто столь возвышенное и умиротворяющее, в результате чего вся палата большинством голосов откажется от дальнейшей борьбы за свои права. – Нам нечего терять! Хуже того, что есть, быть уже не может! Это ж надо до такого додуматься: речи бровастика больным людям на ночь читать!..

– Что-то не пойму я вас, товарищ Фофанов...

– Мне надоело вам повторять: я – Фарафонов, а не Фофанов! Еще раз так назовете и я вас стану обзывать...

– Слюньтяевым, – предложил Гультияев. – А лучше – Распердяевым. Так и мне обиднее и вам месть слаще... – И не давая опомниться затосковавшему Фарафонову, вернулся к прерванной десигнационной вспышкой мысли:

– Не пойму, чем вам речи вашего генерального секретаря, между прочим, неуклонного и верного ленинца, не угодны?

– Это не наш генеральный секретарь. Это – ставленник казнокрадов, подхалимов и мздоимцев. Именно его правление расчистило место у кормила власти таким проходимцам и ренегатам, как Горбачев, Яковлев, Ельцин...

– Вы опять себе противоречите, Фанфаронов, – с невыносимой назидательностью произнес Гульяев. – Только что кричали: «хуже быть не может», «доколе терпеть, о други», а, оказывается, может: Сталин хуже Ленина, Хрущев хуже Сталина, Брежнев хуже Хрущева... Так что худшее всегда впереди. Позади – только хорошее. То есть бывшее худшее, ставшее хорошим в сравнении с тем, что пришло ему на смену. Недаром Александр Сергеевич любил повторять: что пройдет, то будет мило, что придет – сперва постыло...

– Не кощунствуйте, Гульяев! – вскинулся на своей койке Кулуаров и, поморщившись то ли от душевной боли за Пушкина, то ли от болезненных процессов в своей недоремонтированной голове, вновь устало опустил на подушку и ворчливо осведомился:

– Вы что же, Кирюша свет Андреич, на попятную решили? А кто свой черепок грозился расковырять? Вы, или, может, иподиакон Василий?

– Господи Иисусе, сохрани и помилуй! – тихо ойкнул Атиков, часто, мелко, однако с надлежащей набожностью, осеняя себя крестными знамениями.

– Да не дрожите вы, батюшка, – не сдержал своего жалостливого сердца Лукоморьенко. – Георгий Сергеич пошутил...

– Вы, Гульяев, не Слюньятаев и не Распердяев. Вы – Иуда, вот вы кто! – вынес свой вердикт Фарафонов. И для вящей убедительности ткнул пальцем в направление предателя.

– Why not? – расплылся Гульяев в довольной улыбке. Иуду он уважал. Потому что, если бы не Иуда, Христу бы просто всыпали по первое число и отпустили с миром: «Иди и больше не греши, не смущай народ виденьями сердца своего»... Иподиакон Атиков от такой кощунственной трактовки евангельского сюжета терял дар речи, а когда вновь обретал его, долго не мог ничего вымолвить, кроме «сгинь нечистая сила» и «Господи спаси и помилуй».

– Как говорится, не в качестве оправдания, а в порядке объяснения могу сказать, что поскольку результат у нас всегда один и тот же – отсутствие результата, то я, как всякий разумный человек, стараюсь руководствоваться мудрым принципом созерцательности: лучше оставить все как есть, чтобы потом не мучиться неразрешимым вопросом: что же в результате твоей бурной деятельности изменилось?

– Глядя на вас, Кирилл, никогда не подумаешь, что у вас есть принципы и что вы в своей деятельности руководствуетесь чем-либо еще, кроме ваших мизантропических страстей, – с задушевной откровенностью поделился сомнениями Кулуаров.

В ответ Гульяев зажмурился, лицо его пошло алыми пятнами – не то гнева, не то стыда, вздохнул тяжело, отверз уста и... кротко молвил:

– У всех у нас с чердаком непорядок, поэтому давайте договоримся: ни на правду, ни на дичь не обижаться.

– А на клевету? – бдительно уточнил Фарафонов.

– На клевету тем более. За нее благодарить надо. Клевета – это та же реклама. А реклама – это слава, почет, деньги, автографы... Вот если я вас, товарищ Фабзавхозов, назову узколобым сталинистом-маразматиком, концентратом завиральных идей, генератором патриотических заблуждений, не ведающих пределов идиотии, – это будет правда. Если скажу, что вы есть душа, жаждущая социальной справедливости в отдельно взятой державе – это следует квалифицировать как дичь. А вот если я заявлю во всеуслышание, что вы, Фантомасов, – сущий светоч разума, источник благородства, поборник высоких идеалов человечности, что в сумерки над вашей головой ясно видно какое-то неземное свечение, а в лётную погоду у вас за спиной прорезаются крылышки, то это чистой воды реклама, а никак не клевета...

На этом мирный обмен мнениями между сопалатниками был прерван самым... как бы помягче выразиться... не то чтобы истошным, но по меньшей мере громогласным образом

стремительно влетевшим в помещение доктором Г.И. Пократовым. Разумеется, был он не один, но в окружении верных ординаторов, санитаров и медсестер.

– Уже тот факт, что вы запели не что-нибудь, не Катюшу, не Стеньку и даже не Широка кровать моя родная, а именно «Интернационал», обличает бедственное состояние вашей психики. Так что давайте разойдемся полюбовно: кто на выписку под собственную ответственность – ошуюю, кто в палату номер шесть – одесную. Я правильно выразился, святой отец? Ничего не перепутал?

– Я не святой отец, – чуть не плача от безысходности возразил Атиков. – Я всего лишь иподиакон. Я даже крестить не имею права...

– Вылечитесь – удостоитесь, – отмахнулся заведующий отделением. Затем взял и обвел остальных пациентов 16-й палаты немилосердным, взыскующим взглядом. А, обведя, поинтересовался:

– Кому-то что-то не ясно?

Молчание.

– Я жду!

Без ответа.

– С виду вы вроде бы нормальные, правда, слегка попорченные черепно-мозговыми травмами люди. А ведете себя как сущие приматы: интернационалы распеваете, вина и уроков требуете...

– Согласно последним данным дарвинизма, Григорий Иванович, человек есть выродившаяся от непосильного труда обезьяна. В смысле примат, деградировавший от непомерных умственных усилий до образа и подобия Божия. Точно так же мудрые кентавры выродились в лошадей и ослов.

– Вы это всерьез, Гулятьев? – приподнялся на подушке Кулуаров.

– О чем?

– О кентаврах.

– Я всерьез об ослах. Не на кентавре же было Христу в Иерусалим въезжать. Тогда все сразу же поверили бы в его божественную сущность, а это было ему не с руки...

– Ваши эволюционные теории, больной, равно как и религиозные заблуждения, вы изложите лечащему врачу палаты номер шесть, который, как я слышал, скоро у нее снова появится. – Заведующий отделением обвел требовательным взглядом остальных обитателей палаты. – Так, кто еще желает присоединиться к Гулятьеву?

Вопрос в наступившей гробовой тишине прозвучал особенно зловеще.

– Да здравствует наша горбольница – самая образцовая фабрика здоровья в мире, в особенности – психического! – возгласил вдруг Гулятьев и, не сдержав охватившего его восторга, сам себе поаплодировал.

Заведующий отреагировал на эту выходку сугубо профессионально: обернулся к свите, сдержанно-деловитым тоном поделился диагнозом:

– Явный экспансивный бред с элементами канфибуляции и легкой эйфории, чреватой рядом осложнений в виде онейроидных состояний, тяготеющих, судя по всему, к бредовому психозу, хотя нельзя исключить и хронические психические изменения. Сложный случай...

Вооруженный авторучкой ординатор немедленно занес мнение своего непосредственного начальства в журнал.

– Доизгалялись, Распердяев! Довеселились, обалдуй! – констатировал со своей койки Фарафонов, и в голосе его нельзя было различить ни злорадства, ни удовлетворения.

– Господи! не оставь страждущую душу грешника сего всемилостью твоей! – возвел очи горе иподиакон.

– Но послушайте, доктор, Гулятьев ничуть не ненормальнее любого из нас. Злости в нем, правда, много, но это не может служить основанием для помещения человека в психушку.

Пократов внимательно уставился на Кулуарова, вдумчиво поскреб указательным и большим пальцем подбородок, вопросительно обернулся к ординатору. Ординатор, раскрыв журнал, четко, по-военному доложил:

– Кулуаров, Георгий Сергеевич. Диффузные повреждения мозга с очаговыми явлениями в височной доли. Аменция, флуктуация сознания, частичная амнезия, конфабуляторные переживания с элементами резидуального бреда.

– Сложный случай, – вздохнул Пократов.

– Сложный, – подтвердила свита. И тоже вздохнула.

– Ну что ж, радуйтесь, Гулятьев: не один в шестую отправитесь, вдвоем как-никак веселее...

– Не имеете права, – сказал Лукоморьенко. Сказал голосом слабым, еще не окрепшим после травмы черепа, но была в этом голосе такая сила убеждения, столько сознания собственной правоты, что его услышали все. Даже Атиков, прервав свое шепотливое общение с Богом, умолк и воззрился на Лукоморьенко в изумлении и ожидании.

– Ограничение прав и свобод лиц, страдающих психическими расстройствами, только на основании психиатрического диагноза, фактов нахождения под диспансерным наблюдением в психиатрическом стационаре либо в психоневрологическом учреждении для социального обеспечения или специального обучения не допускается. Должностные лица, виновные в подобных нарушениях, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации и республик в составе Российской Федерации. Закон Российской Федерации о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании. Статья 5, часть третья.

– Адвокат? – не теряя хладнокровия и профессиональной деловитости, осведомился у свиты Пократов.

– Гражданин при оказании ему психиатрической помощи вправе пригласить по своему выбору представителя защиты своих прав и законных интересов, – продолжал просвещать присутствующих Лукоморьенко ровным, слабым, но при этом весьма членораздельным голосом. – Защиту прав и законных интересов гражданина при оказании ему психиатрической помощи может осуществлять адвокат. Администрация учреждения, оказывающего психиатрическую помощь, обеспечивает возможность приглашения адвоката...

Говорящий умолк, убаюканный собственными интонациями, вернее, одной-единственной интонацией, а именно той самой, с какой во всем юридическом мире принято произносить подобные речи.

– Умаялся, бедняга, – пробормотал сердобольный санитар, спохватился, подобрался, виновато захлопал глазами, преданно уставясь на начальство.

– Как-то странно вовремя он у тебя, Фархат, умаялся, – усмехнулся заведующий. – Аккурат в том месте, где дальше говорится о неотложных случаях, когда больной представляет опасность для себя и окружающих...

– Да, да, действительно странно, очень странно, даже подозрительно, – подхватила свита.

– Что «да-да»? – не приняло поддержки начальство. – Я все еще жду ответа на свой вопрос. Адвокат?

– Маклер.

– Какой еще маклер? Из тех, что в бильярдных на подхвате?

– Ну вот, – оживился Гулятьев, – маркёра от маклера отличить не умеют, а психа от нормального – запросто!

– Еще одно слово, Гулятьев, и вы сведете близкое знакомство с кляпом! – отрезал доктор Пократов и вновь требовательно обернулся к свите.

– Обычный биржевой маклер, Григорий Иванович.

– А по образованию кто, юрист?

– Экономист.

– Та-ак, – не стал скрывать своей озадаченности заведующий. – Травма закрытая? Так я и думал. Обстоятельства получения?

– Укус паука, – прочитал вслух ординатор.

– Значит, инфекционная энцефалопатия. Спрашивается, кто и зачем его сюда к черепно-мозговому поместил. И вообще, причем тут наше отделение, когда место ему в инфекционном...

– Совершенно верно, – поспешил согласиться ординатор, но затем, видимо, что-то припомнив, пошелестел историей болезни и, сперва неуверенно, но по ходу чтения все более укрепляясь в своем праве, доложил следующее.

– И все же, Григорий Иванович, у него типичное закрытое черепно-мозговое повреждение, получено в результате соприкосновения нефиксированной головы с отвесно падавшим предметом, предположительно, кирпичом. Далее все как полагается: коммоционный синдром...

– Тогда причем тут укус паука?

– Согласно анамнезу, эта травма явилась прямым следствием укуса паука, каковому пострадавший подвергся ровно за три недели до означенного события, то есть получения черепно-мозгового повреждения...

Оторвавшись от бумажек и заметив, что недоумение начальства вот-вот перейдет в мучительную стадию резолюций и оргвыводов, ординатор своими словами с просительными интонациями пояснил:

– Понимаете, Григорий Иванович, примета есть такая: если на кого сел паук, тот разбогатеет. А на этого больного паук не только сел, но еще и укусил, а чем такая примета чревата, как выяснилось, никто не в курсе. Он утверждает, что за тот промежуток времени, который прошел между укусом паука и столкновением с кирпичом, успел обратиться за разъяснениями данного феномена не только к гадалкам, хиромантам и астрологам, но даже в Академию Наук не побоялся сунуться. И представляете, никто, решительно ни один из знатоков этих дел не смог сказать ему внятно и доказательно, какие перспективы эта новоявленная примета ему сулит. Вот и получается, что укус паука ведет прямым ходом к закрытой черепно-мозговой травме...

– Получается, голубчик, совершенно другое. Получается, что и этого маклера и того, кто записал в историю болезни весь этот бред, следовало немедленно отправить в шестую палату!

– Это не я писал, Григорий Иванович.

– А кто?

– Интерн Крамольников...

– Диплома этому Крамольникову не видать как своих ушей! Хотя... – Заведующий раздумчиво потер рукой подбородок. – Что он там нес о своих попранных правах и ущемленных интересах?

– Что-то про ограничение прав и свобод больных, страдающих психическими отклонениями...

– Вот-вот! Он самый! Симптом кверулянтства...

– Очень может быть, – немедленно поддержал версию начальства ординатор Манчигонов. – Сам я, правда, на ПТСР грешил, а сейчас вижу, что неправ – чистой воды кверулянтство!

Но не одни только эскулапы, не обращая внимания на больных, всю совещались, соря специальной терминологией и врачебными тайнами. Больные тоже не отставали от своих целей, правда, делали это с некоторой опаской, обходясь по мере возможности намеками, полунанеками и красноречивыми жестами, самого, подчас, распахобного содержания. Как раз к описанному моменту их совещание было благополучно завершено: общая линия поведения согласована, список претензий и ультиматумов единогласно принят. И как только Атиков приступил к молитве, прося Господа о ниспослании победы в предстоящем столкновении антаго-

нистических интересов лечащих и лечимых, так Гультяев отверз уста свои для целого ряда важных сообщений.

– Мы требуем, – начал он звучным мартинлютеровским голосом, – во-первых, адвоката, согласно Конституции Российской Федерации. Во-вторых, мы настаиваем на нашем праве быть в курсе всех событий и сплетен, терзающих читателей газет, глотателей пустот, пожирателей телеэкранов и потребителей радиобреда. В-третьих, мы желаем полного и безоговорочного разрешения на чтение художественной литературы, причем не только классической, но и детективной, приключенческой, эротической и религиозной. В-четвертых, мы настаиваем на предоставлении обитателям нашей черепно-мозговой палаты таких же прав и свобод, какими пользуются обитатели 15-й тазобедренной, у которых есть не только доступ к телевизору, но даже компьютеры. Почему одним можно всё, а другим только речи Брежнева?

– Потому что у тазобедренных проблемы с опорно-двигательным аппаратом, а у вас – с головой. Понимать надо! – не сдержал праведного негодования ординатор и, ища поддержки, взглянул на заведующего. – Правильно я говорю, Григорий Иванович?

– Это не ответ, – возразил Гультяев. – Просто кому-то задницы дороже тыковок, а кому-то наоборот...

– Интересное объяснение, – заметил Пократов и, полуобернувшись к свите, сообщил: – Начинаю подозревать, что этот немец – Михаэль Линден – был все-таки прав, когда выделил РПТО в отдельную категорию расстройства адаптации. Вот вам, пожалуйста, все признаки налицо: борьба против дискриминации... В чем еще, больной, считаете себя обделенным?

– Лично я – в отсутствии женской ласки в виде эротического массажа, а также качественного алкоголя, курева и доброго празднотшания по значным местам, – не затруднился с ответом Гультяев. – А если говорить обо всем нашем коллективе черепно-мозговых, то мы возмущены: по какому праву нашим родным и близким не разрешается навещать нас в положенные для этого дни и часы? Мы считаем это сегрегацией, нарушением всяческих конституционных норм и гарантий, и требуем учредить отдельную палату для свиданий: с ванной, душем и биде. Это – в-четвертых. А в-пятых, вернуть всем мобильные телефоны, у кого они были. А тем, у кого их не было, предоставить бэушные аппараты напрокат с пятидесятипроцентной скидкой...

Трудно сказать, какое именно из требований восставших переполнило и так довольно неглубокую чашу терпения начальства: биде или пятидесятипроцентные скидки на мобильные телефоны. Но переполнилась эта чаша основательно.

– Молчать! – вдруг рявкнул заведующий отделением Г.И. Пократов. Да как еще рявкнул: стекла в рамках задрожали, а поджилки – под коленками. Так рявкать умеют не все, но только военные люди. А может, действительно, – вдруг вспомнилось, вдруг докатилось до сознания всех присутствующих – слухи о том, будто доктор Пократов есть бывший военный медик, прошедший через Вьетнам, Анголу и Афганистан, не лишены основания и даже, возможно, не преувеличены.

– Право у вас, товарищи больные, одно: лечиться, лечиться и еще раз лечиться! – отчеканил заведующий и, направив указующий перст на ошарашенного Фарафонова, грозно вопрошил:

– Как завещал кто?

– Великий Ле-енин, – предательски угодливой фистулой вырвалось у Фарафонова.

– То-то же! А методы и способы – на усмотрение специалистов. И вот я, данной мне властью, определяю метод и способ вашего излечения: холодные ванны и электрошоковую терапию. Игорь Александрович, распорядитесь, чтобы резервную динамо-машину немедленно привели в рабочее состояние.

– Слушаюсь, Григорий Иванович! – звонко отозвался ординатор и пулей вылетел в коридор.

– А вас, Ирина Петровна, я бы попросил проверить холодильную установку. Водопроводная вода в это время года, боюсь, недостаточно прохладна для предписанных мною процедур...

– Будет сделано, Григорий Иванович!

Фьюить – и еще одним статистом-персонажем стало меньше.

– Значит так, Саитыч, – обратился заведующий к вытянувшемуся по стойке смирно дюжему санитару, – остаешься здесь за старшего. Пришлю под твою команду еще троих. Ваша задача: обеспечить полный покой и порядок в палате. Чтобы больные, во избежание всяческих осложнений, связанных с их здоровьем, находились на своих койках в горизонтальном положении, сверху животами, бесед не вели, руками не размахивали. Приказ ясен?

– Так точно!

– Вопросы?

– А ежели они того...

– А ежели того, разрешаю применить обездвиживающие ремни и обеззвучивающие кляпы. Всем необходимым вы будете снабжены. Обед в очередь по одному. Вахта – шесть часов. Затем вас сменят. Еще вопросы есть?

– Никак нет!

– Сверим часы, Саитыч...

Если кое-кому из любезных читателей показалось, что бунт на этом был подавлен, мятежники укрощены, то спешу его обрадовать: как бы не так! Ни холодных ванн, ни электрошоков пациенты 16-й палаты не уstrasились. Наоборот, – нас мало, но мы в казенных пижамах! – преисполнились дерзости, столь характерной для революционных масс, полагающих, что они сожгли за собой все мосты и из идейного упрямства отказывающихся разведать на всякий случай наличие брода.

Повстанческим инстинктом догадываясь, что главное в их деле внезапность, они до самого обеда пролежали неподвижно, в коварном смирении, ни разу не дав повода усиленному наряду санитаров применить ремни или воспользоваться кляпами. Но стоило нянечкам явиться в палату с обедом, как последовал мощнейший удар по всем больничным распорядкам, традициям и режимам: голодовка! Черепно-мозговые с самоотверженной непреклонностью борцов за светлое будущее отказались от пищи. Ни угрозы, ни уговоры не возымели действия. Сколько ни бились нянечки, упрасывая то одного, то другого повстанца откусать хоть ложечку за папу, за маму, за жену, за детей, ни шиша не добились. Черепно-мозговые держались стойко. Правда, был момент, когда иподиакон Атиков заколебался, смущенный предложением похлебать бульончику во имя Господа нашего, Иисуса Христа, но вовремя поданная Фараоновым реплика («Даже во имя Христа, Василий, не стоит становиться Иудой!») удержала служителя Божия от соблазна. Впрочем, куда более тяжкие испытания выпали на долю Гульяева. Полагая его главным зачинщиком безобразия, за него взялась лично сама Ирина Петровна. Да как еще взялась! Расстегнула снизу халатик чуть не до пупка, уселась на стульчик возле голодовщика, закинула ногу на ногу и принялась грудным зовущим голосом уговаривать угоститься бульончиком, суля за каждую съеденную ложечку эротические кущи мусульманского рая. Договорилась до того, что даже клятвенно пообещала позволить ему потрогать ее в тех местах, где ему захочется – в случае если бульон будет покладисто уничтожен...

Гульяев (как в этом впоследствии убедится читатель) отнюдь не был аскетом. Никакой личной жизни вот уже две почти недели не имел. На Ирину Петровну заглядывался не таясь (в отличие от некоторых, делавших это, кто смущенным тайком, кто подлой украдкой). А тут такое, понимаешь, дело. Такой удобный случай наладить с ней интимные отношения представился!.. И все же Гульяев выбрал свободу. То есть в том смысле, что на ножки таранился, но бульона отведывать наотрез отказывался. И правильно делал. Женщины, если верить им самим, любят стойких, а не падких. Вот Гульяев эту стойкость и продемонстрировал, так сказать, в двойном выражении: моральном, воротя личность от ложки с бульоном, и в матери-

альном – подняв тонкое больничное одеяло в надлежащем месте приличным эрекционным пригорком. Возможно, как женщина Ирина Петровна была втайне польщена, но как медицинский работник, как старшая сестра отделения, глубоко задета, о чем красноречиво засвидетельствовал шлепок столовой ложкой по бесстыжему лбу упрямого голодовщика. Столь неожиданная ласка не могла не извергнуть из Гулятьева возгласа удивления, которое, благодаря своему нецензурному содержанию, было квалифицировано бдительными санитарями как нарушение режима молчание, требующее немедленного пресечения медицинским кляпом – тугой марлевой повязкой, оставившей от недовольной физиономии нарушителя одни только сияющие праведным негодованием глаза.

Попытка обеда явно не удалась. Оставалось одно – гордо ретироваться из мятежной палаты. Легко сказать «гордо». Но как это сделать так, чтобы ни у кого, в особенности у этих бунтовщиков с поврежденными черепушками, не возникло сомнений в том, что упомянутый маневр был проделан именно указанным образом? Иначе говоря, как подсластить пилюлю побежденным и подгорчить вкус победы победителям? Выяснилось: очень просто. Для этого надо со вкусом, с аппетитными причмокиваниями и сладостными вздыханиями («ой, вкуснятина какая!») выхлебать под самым носом идейных голодовщиков отвергнутый ими бульон. Да так, чтобы слюнки у них потекли, чтобы глотать их не успевали, чтобы струились они по упрямым подбородкам свидетельством их политической несознательности и обыкновенной человеческой глупости. Уплести, утереться и, обозвав строптивцев «дурачьем», триумфально удалиться из палаты, слегка порыгивая от сытости и блаженно поглаживая себя по животу. Вот это будет действительно то, что принято называть «гордо удалиться». Особенно, если обернувшись в дверях, пообещать негодникам на полдник глюкозу внутривенного применения, а на ужин – питательную клизму, – как то и было сделано Ириной Петровной. Трепещите, несчастные!

К сожалению, непосредственное начальство расценило бесспорную моральную победу персонала над мятежными пациентами как дерзкий вызов своему авторитету. Начальству моральной победы всегда мало, ему подавай еще и ощутимую материальную. Угроза применения электрошоковой терапии приняла вполне реальные очертания. Резервная динамо-машина была не только проверена на предмет соответствия деталей данным последней инвентаризации, но и приведена в боевую готовность.

Ситуация стремительно ухудшалась, грозя вскоре сделаться критической. Пока одна из противоборствующих сторон возлежала и немотствовала (храня при этом пусть вынужденную, но все же заговорщицкую тишину), другая пыталась перехватить инициативу, перегруппировывая силы, подтягивая резервы и напрягая интеллект. В ходе перегруппировки сил и напряжения интеллекта выяснилось, что воспитательно-отрезвляющие свойства внутривенной глюкозы, равно как и освежающих ванн, значительно уступают аналогичным свойствам питательной клизмы. В связи с этим было решено изменить последовательность карательно-урезонирующих мер. Согласно последним распоряжениям командования, в полдник мятежники должны были отведать питательной клизмы, на ужин (в том случае, если полдника окажется недостаточно) угоститься электрошоковой терапией, а уж затем, на сладкое, в качестве поощрения очнувшейся от обморока сознательности, полакомиться глюкозой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.